DOI: 10.48647/ICCA.2026.79.50.006

А.В. Лукин

«Культурная революция» в Китае и мировая общественная мысль

Аннотация: В статье рассматривается идеология позднего маоизма, составившая идейную основу уникального по своей разрушительности политического эксперимента: «Великой пролетарской культурной революции», в контексте мировой общественно-политической мысли. Автор систематизирует и анализирует различные оценки событий десятилетия «культурной революции» и их значения, высказывавшихся с момента ее начала в 1966 г. до последнего времени в Китае, России и других странах, и выстраивает собственную концепцию основ идеологии и политики Мао Цзэдуна и других архитекторов этого эксперимента. Он приходит к выводам о том, что идеология «культурной революции» продолжает идеи «Большого скачка» как развитие левой линии марксизма в его ленинской интерпретации. В качестве таковой он прослеживает ее непосредственную связь с развитием марксисткой мысли в Европе и в США (постмарксистскими «критическими теориями», такими как радикальный феминизм, постколониализм, трансгендризм и «критическая расовая теория»), а также в Азии (идеология «красных кхмеров») в XX и XXI веках. В то же время в статье выражено скептическое мнение относительно возможных влияний на маоизм традиционной китайской культуры, в особенности конфуцианства, и делается вывод о том, что поздний маоизм представляет собой смесь левого марксизма троцкистского типа и некоторых идей, общих для всего радикального китайского революционного движения, начиная с Сунь Ятсена.

Ключевые слова: Китай, культурная революция, идеология, левый марксизм, традиционная культура, критические теории

Автор: *Лукин Александр Владимирович*, доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Института Китая и современной Азии РАН (ИКСА РАН); ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

А • В • 卢金

中国的“文化大革命”与全球社会思潮

摘要：本文考察了晚期毛主义的意识形态，在全球社会政治思潮背景下，其构成了一场因其破坏性而独一无二的政治实验——“无产阶级文化大革命”——的思想基础。作者系统梳理并分析了自 1966 年“文化大革命”爆发至今，在中国、俄罗斯和其他国家对这十年间发生的事件及其意义的各种评价，同时作者对毛泽东及其他这场实验的设计者们的意识形态和政策基础建立了自己的观点。作者的结论认为，“文化大革命”的意识形态延续了“大跃进”的思想，是列宁式马克思主义左翼路线的发展。因此，作者探索了“文革”意识形态与 20—21 世纪欧美马克思主义思想发展（后马克思主义“批判理论”，如激进女权主义、后殖民主义、跨性别主义和“批判性种族理论”）以及亚洲马克思主义思想发展（红色高棉意识形态）的直接联系。同时，本文对中国传统文化，特别是儒家思想对毛主义的可能影响表示怀疑，并得出结论：晚期毛主义是托洛茨基主义式的左翼马克思主义与始于孙中山的整个中国激进革命运动中一些共同思想的混合体。

关键词：中国；文化大革命；意识形态；左翼马克思主义；传统文化；批判理论

作者：亚历山大·弗拉基米罗维奇·卢金，历史学科学博士，教授，俄罗斯科学院中国与现代亚洲研究所学术主任。 ORCID：0000-0002-1962-2892。 E-mail：lukin@iccaras.ru

A.V. Lukin

The “Cultural Revolution” in China and World Social Thought

Abstract. The article examines the ideology of late Maoism, which formed the ideological basis of a political experiment unique in its destructiveness: the Great Proletarian Cultural Revolution. This ideology is considered in the context of world socio-political thought. The article systematizes and analyzes various assessments of the events of the decade of the “Cultural Revolution” and their significance, expressed from its beginning in 1966 up to the present day in China, Russia, and other countries. It also develops an original interpretation of the ideological and political foundations of Mao Zedong and the other architects of this experiment. The article concludes that the ideology of the “Cultural Revolution” continued the ideas of the Great Leap Forward as a development of the left-wing current of Marxism in its Leninist interpretation. As such, it is argued that there is a direct connection with the development of Marxist thought in Europe and the United States, including post-Marxist “critical theories” such as radical feminism, postcolonialism, transgenderism, and critical race theory, as well as in Asia, particularly the ideology of the Khmer Rouge, in the 20th and 21st centuries. At the same time, the article expresses skepticism regarding possible influences of traditional Chinese culture, especially Confucianism, on Maoism. It concludes that late Maoism represents a mixture of Trotskyist-type left Marxism and certain ideas common to the radical Chinese revolutionary movement as a whole, beginning with Sun Yat-sen.

Keywords: China; Cultural Revolution; ideology; left Marxism; traditional culture; critical theories.

Author: *Lukin Alexander Vladimirovich*, Dr.Sc. (History), Professor, Academic Head, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS), ORCID: 0000-0002-1962-2892. E-mail: lukin@iccaras.ru

Введение

В нынешнем 2026 г. исполняется 60 лет с начала «Великой пролетарской культурной революции» в Китае – беспрецедентной политической кампании как по своей длительности, так и по трагическим результатам и последствиям. Несмотря на то что в разных странах мира издано множество посвященных ей книг и статей, ее причины, идеологические истоки и влияние на китайскую и мировую мысль исследованы недостаточно и порой трактуются весьма поверхностно. Между тем ее влияние было весьма значительным, в свое время за ходом «культурной революции» с разными чувствами пристально следили во многих странах мира, ее идеи и практика были весьма популярны не только в Китае, но и в левых кругах Европы, США и некоторых стран Азии, да и сегодня ее опыт оценивается неоднозначно. Хотя в самом Китае «культурная революция» была официально осуждена, критика постепенно теряет свою остроту, а некоторые ее аспекты даже воспринимаются с определенной ностальгией. За рубежом же многие вопросы, связанные с событиями китайской истории 1960–1970-х гг. до сих пор дискутируются, причем часто высказываются весьма различные и даже противоположные мнения.

Нынешний юбилей предоставляет хорошую возможность для возвращения к событиям тех лет и их рассмотрения не только на основе новых документов, ставших доступными уже после ее завершения, но и исходя из нашего сегодняшнего знания некоторых последующих тенденций в развитии мировой общественной мысли. Это необходимо для более адекватной оценки «культурной революции» и идеологии, ее породившей. Эту идеологию, собственно, и можно назвать маоизмом, так как именно в этот период, а точнее уже начиная со времени Большого скачка (1958–1960 гг.), идеи Мао Цзэдуна вступили в свою наиболее зрелую, заключительную фазу, да и сам Мао в конце жизни назвал «культурную революцию» одним из двух главных своих достижений, наряду с победой над Японией и Чан Кайши [Guo Jianbo, 2013].

Существующие оценки

Из существующих оценок «культурной революции», естественно, большой интерес представляет китайская. Официальная оценка была сформулирована лишь спустя несколько лет после ее формального завершения, вызванного смертью ее основного проводника Мао Цзэдуна и арестов ее сторонников в 1976 г. В принятом 6-м пленумом ЦК КПК XI созыва в июне 1981 г. «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР» этой кампании посвящен довольно обширный

раздел. В нем определяются ее точные сроки (с мая 1966 г. по октябрь 1976 г.), в рамках которых выделено три периода (май 1966 г. – апрель 1969 г., апрель 1969 г. – август 1973 г. и август 1973 г. – октябрь 1976г.) и говорится, что события тех лет были «смутой, вызванной сверху по вине руководителя и использованной контрреволюционными группировками, смутой, которая принесла серьезные бедствия партии, государству и всему многонациональному народу», вызванной левацкой ошибкой «серьезного и длительного характера», главная ответственность за которую «лежит на товарище Мао Цзэдуне» [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 37–42].

Поясняется в Решении и сущность «левизны» ошибки Мао. В области теории – это прежде всего его положение о «продолжении революции при диктатуре пролетариата», согласно которому «большая группа представителей буржуазии, контрреволюционеров-ревизионистов уже пролезла в партию, правительство, армию и во все области культуры,… все виды борьбы, имевшие место в прошлом, делу не помогли, и только путем развертывания культурной революции, открыто, всесторонне, снизу доверху мобилизуя широкие массы на разоблачение вышеуказанных темных сторон, можно заново отвоевать власть…» [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 33–34]. Сюда же было отнесено ошибочное или догматическое толкование некоторых других теорий классиков марксизма (Маркса, Энгельса Ленина и Сталина): отрицание принципов равноправия, материальной заинтересованности и распределения по труду при социализме как буржуазных, идея о том, что «после завершения в основном социалистических преобразований мелкое производство по-прежнему рождает капитализм и буржуазию ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе…» [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 47]. В результате был «проведен целый ряд левацких экономических установок и установок на классовую борьбу в городе и деревне; что идейные разногласия внутри партии представляют собой во всех случаях отражение классовой борьбы в обществе…» [Решение по некоторым вопросам…, 1981]. Эти теоретические ошибки привели к опрометчивым мерам: лишению полномочий партийных и правительственных органов на местах, критике преданных делу партии руководителей и хаосу в стране [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 38–39].

В качестве причин «бедствий» отмечались и некоторые другие факторы, например личные качества Мао, который в этот период стал «все больше зазнаваться, отрываться от действительности и масс, впадать в субъективизм, самоуправствовать и возвышать себя над ЦК партии», а также тот факт, что его ошибками «с темным умыслом» воспользовались «такие карьеристы, как Линь Бяо, Цзян Цин и Кан Шэн» и другие, а ЦК партии не сумел своевременно их исправить [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 33]. Однако для нас больший интерес представляют приведенные в Решении для объяснения произошедшего объективные факторы. Во-первых, это традиционная политическая культура, или, как сформулировано в документе, «пережитки многовекового феодального деспотизма», создавшие почву для пренебрежения законом и сосредоточения чрезмерной власти в руках одного человека [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 4]. Во-вторых, это исторический опыт уже самой КПК, которая долгие годы находилась «в обстановке войн и ожесточенной классовой борьбы» и «морально не была достаточно подготовлена к быстро наступившему новому социалистическому обществу и делу строительства социализма в

масштабах всей страны», в результате чего имела склонность «относить к классовой борьбе те вопросы, которые уже не относятся к этой категории» [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 46].

В то же время в Решении отмечалось, что «левацкие положения» Мао, выдвинутые им в период «культурной революции», были «перегибом», ошибочной позицией. Они «явно отошли от «идей Мао Цзэдуна» как сочетания всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции» и их необходимо четко отделять от этих истинных «идей Мао Цзэдуна» как верной идеологической основы деятельности КПК [Решение по некоторым вопросам…, 1981, с. 34].

В целом весьма развернутый и глубокий анализ, данный в Решении 1981 г., который был политически мотивирован только в попытке отделить Мао от его ближайших сторонников и даже собственной жены, формально не отменен и сегодня, теоретически он сохраняет свою силу. В то же время состоявшийся в ноябре 2021 г. 6-й пленум ЦК КПК XIX созыва счел необходимым принять новое «Решение по вопросам истории партии». В нем «культурной революции» уже посвящено лишь несколько фраз, содержание которых сводится к тому, что в этот период Мао совершил некоторые серьезные ошибки, которые ЦК партии не удалось своевременно исправить. В результате «совершенно ошибочной оценки существовавшей в то время расстановки классовых сил в стране и политической обстановки в партии и государстве» товарищ Мао Цзэдун развернул «культурную революцию и руководил ею». Этими ошибками воспользовались Цзян Цин, Линь Бяо и другие, которые совершили многочисленные преступления, однако в октябре 1976 г. они были арестованы и положение было исправлено [Решение ЦК КПК…, 2021].

Нельзя сказать, будто что-то здесь противоречит Решению 1981 г. В то же время бросается в глаза отсутствие как признания многочисленных жертв, так и каких-либо попыток объяснить причины и последствия происходившего. Очевидно, что в современном Китае именно второй документ, приятный с одобрения действующего руководства КПК, будет использоваться на многочисленных партийных учебах и считаться актуальным. Для него характерно стремление «не выпячивать» негативные стороны исторического опыта КПК и подчеркивать достижения и успехи. Как показывает наблюдение за ситуацией, в современном Китае не поощряются исследования негативного опыта периода «культурной революции», научные или публицистические работы с серьезным его анализом не издаются (в отличие от периода 1980-х гг.). И для подобного курса есть определенные объективные причины, о которых будет сказано ниже.

Помимо официальных китайских оценок интересны также неофициальные. После принятия Решения 1981 г. до второго десятилетия XXI в. события «культурной революции» обсуждались в КНР в прежнем русле, причем различные ученые и общественные деятели отмечали как негативные аспекты, так и то, что развитие страны в тот период, несмотря ни на что, продолжалось. В первые годы после разгрома «банды четырех» было опубликовано много воспоминаний репрессированных и пострадавших людей, в том числе и высокопоставленных государственных и партийных деятелей, появилось целое художественное направление «Литература шрамов», в рамках которого писатели рассказывали о событиях того времени и пагубных

последствиях «культурной революции» для общества [Коробова, 2022, с. 120–135]. В публицистике она характеризовалась как «кровавый террор», «контрреволюционный захват власти», «дикий разгул феодального фашизма», «десятилетнее контрреволюционное страшное бедствие», «контрреволюционное фашистское кровавое господство» [He Qifang, 1981, с. 47, 49].

Пережившие «культурную революцию» и пострадавшие от нее руководители КПК соглашались с этими оценками. Выступая в сентябре 1979 г., председатель Постоянного комитета ВСНП Е Цзяньин назвал события тех лет полномасштабной «гражданской войной» и «кровавым террором» [Ye Jianying, 2011, с. 191]. В одном из интервью в августе 1980 г. Дэн Сяопин согласился с термином «гражданская война», так как народ разделился на две группы, представители которых убивали друг друга, и погибло «очень много людей» [1980 nian Deng Xiaoping…, 2014].

Историки и политологи подробно изучали события и перипетии того времени. Особый резонанс вызвал фундаментальный труд супругов Гао Гао и Янь Цзяци, который вскоре стал первым директором Института политологии Китайской академии общественных наук (КАОН). В этой работе на основе документов тщательно излагалась история событий, довольно мало говорилось о ее причинах. Авторы лишь вскользь замечали, что ее истоки лежат в сложившейся до нее в КНР экономической и политической системе, а также в традиционной китайской культуре. Что касается лично Мао Цзэдуна, то тут сыграли роль его неумелый подход к разрешению внутрипартийных противоречий и склонность к самоуправству, из-за чего он принял предложение Линь Бяо и других и объявил несогласных с ним Лю Шаоци и его сторонников «правыми ревизионистами» [Gao Gao, Yan Jiaqi, 1986]. Все это не только не выходит за рамки, но даже не доходит до уровня обобщений Решения 1981 г.

Более интересны выводы о том, что «культурная революция» принесла Китаю. Здесь авторы выделяют два пункта. Во-первых, она превратила китайскую экономику в чисто командную, без какой-либо роли рыночного регулирования, что привело к ее глубокому кризису. Во-вторых, она лишила граждан каких-либо прав [Gao Gao, Yan Jiaqi, 1986]. В «культурной революции» самой по себе не было ничего позитивного, ее роль заключалась в том, что она продемонстрировала обществу мощный отрицательный пример, тем самым дав толчок реформам нового руководства и изменению общественного сознания в целом [Gao Gao, Yan Jiaqi, 1986, p. 710].

Подобные негативные оценки можно было встретить и позднее, но с определенного времени скорее не на страницах официальных СМИ, а в интервью различным онлайн-изданиям и зарубежным медиа. Так, например, вполне в русле Янь Цзяци, в конце 1980-х гг. эмигрировавшего в США, независимый историк Чжан Лифан в 2019 г. отмечал: «Культурная революция была двойной катастрофой — политической и экономической. Если кампания против правых (которая ликвидировала всех интеллектуалов, осмелившихся выдвигать критические мнения) была политической катастрофой, то Большой скачок — экономической катастрофой. Конечно, следствием Большого скачка стал Великий голод. “Культурная революция” привела к наложению друг на друга политической и экономической катастрофы, длившейся, к тому же, очень долго. Была полностью уничтожена правовая система, и основные права человека не были гарантированы» [Jin Zhe, 2019].

В конце XX – первом десятилетии XXI в. на тему «культурной революции» в Китае издавалось достаточно большое количество литературы, при этом теоретические подходы и оценки авторов были связаны с их общими политическими взглядами: сторонники более глубоких экономических и политических реформ настаивали на необходимости не замалчивать разрушительный характер событий тех лет, искали причины в «культе личности» Мао, ошибках партийного руководства, отсутствии системы разделения властей и подчинении законов политической воли лидера, причем истоки всех этих явлений часто усматривали в традиционной, веками существовавшей китайской культуре. Некоторые даже сравнивали репрессии того времени с каннибализмом и нацизмом [Zui niu lishi…, 2010; Zhang Ming, 2013; Xuezhe: 20 shiji…, 2015; Yuan Longping tan…, 2019]. Более консервативные (по отношению к существующей системе) исследователи и общественные деятели сводили все к козням врагов партии и выделяли позитивные моменты того времени: несмотря на ошибки, Мао Цзэдун заботился о безопасности государства, конфликт с СССР вызвал дополнительную необходимость бороться с ревизионизмом, в том числе и внутри страны, экономика все же развивалась и в то десятилетние, высылка интеллигенции в деревню способствовала повышению образовательного уровня крестьян, молодежь получила значительную свободу и могла проявлять инициативу [Zhu Yongjia…, 2015; Lao Tian…, 2011; Zhiyi…, 2003 Han Donping, 2008].

В опубликованной в 2008 г. на официальном сайте партийной истории статье, обобщавшей имевшиеся на тот момент в научной литературе оценки причин «культурной революции», сотрудник Института современной истории Китая КАОН У Чао выделял три основные группы объяснений. Во-первых, это исторические причины: от традиционных культуры и психологии до «левацких» уклонов в КПК, существовавших еще до ее прихода к власти в 1949 г. и позднее проявившихся в политических кампаниях, прежде всего, в Большом скачке. Во-вторых, это «социально-психологические факторы»: «групповое мышление» тех лет, «консенсусность» общественной психологии и т.п. В-третьих, это рассмотрение «культурной революции» как попытки модернизации, движения, направленного на преобразование общества, прорыва к современности (модерну). Здесь автор выделяет два подхода. В рамках первого «культурная революция» описывается как неудачная попытка достижения уникальной китайской современности. В рамках второго – как крупная «институциональная инновация», направленная на истинную демократию. Авторы последнего направления в целом позитивно оценивают идею «культурной революции» и считают, что ее опыт способен помочь найти «блестящий путь, отличный от пути западных капиталистических стран». Впрочем, автор отмечает, что такие позитивные оценки утратили свою актуальность [Wu Chao, 2008, с. 34–40].

Интересно, что положительные факторы находили в «культурной революции» не только сторонники незападного пути развития внутри Китая, но и вполне прозападные диссиденты критики китайского социализма, многие из которых оказались за пределами страны после катаклизмов 1980-х гг. Многие из них активно и сознательно включились в «культурную революцию», поначалу восприняв ее как искренний призыв Мао Цзэдуна к борьбе с бюрократией за самодеятельность масс. Они писали собственные «дацзыбао», призывавшие к большей свободе и самодеятельности, ор-

ганизовывали или поддерживали некоторые группы «хунвэйбинов» и «цзаофаней». Разочаровывались же они в ней, как правило, уже к середине 1970-х гг., когда столкнулись с репрессиями, в том числе и против них самих, и удостоверившись в том, что политика Мао ведет не к свободе, а к еще большему деспотизму [Лукин, 2018, с. 146–155].

Западные оценки «культурной революции» не характеризуются особой глубиной. Здесь в целом можно выделить три группы исследователей. Первая из них с самого начала «культурной революции» считала ее, в основном, следствием и механизмом борьбы за власть в руководстве КНР, в котором внутриполитические и идеологические цели в основном рассматривались в качестве инструментов [Dorell, 1971, p. 21–112; Thornton, 1973, p. 269–341]. В работах этого направления в отношении взглядов и политики Мао Цзэдуна иногда использовались термины «левизна» или «утопизм» [Dorell, 1971, p. 95, 111], однако истоки и значение этих «левизны» и «утопизма», как правило, не анализировались. Ярчайшим представителем данного направления является известный британский китаевед Р. Макфаркер, посвятивший этому периоду китайской истории трехтомный труд «Истоки Культурной революции» [MacFarquhar, 1974; MacFarquhar, 1983; MacFarquhar, 1997], а также обобщающую монографию «Последняя революция Мао Цзэдуна» (в соавторстве с М. Шонхалсом) [MacFarquhar, Schoenhals, 2006]. В них представлена подробнейшая история политической борьбы в КНР, начиная с конца 1950-х гг. Автор совершенно справедливо видит причины проведения Мао Цзэдуном «культурной революции» в его неудовлетворенности ситуацией в стране и неадекватном претворении в жизнь его политики, направленной на достижение в Китае идеального общества в эти более ранние периоды, в особенности со времени Большого скачка. Эту ситуацию китайский вождь воспринял как саботаж со стороны товарищей по партии. Выделяются также внешние причины, такие как раскол с СССР и необходимость борьбы с «ревизионизмом» не только внутри Китая, но и на международной арене, внутри коммунистического движения. Однако не разъясняются предпосылки выдвижения этой политики, истоки самого этого идеала, ради достижения которого стоило репрессировать многочисленных старых боевых товарищей, несмотря на то, что они, собственно, как признают и сами авторы «Последней революции», в общем-то на верховную власть не претендовали и никакой угрозы власти Мао не представляли и к тому же добились относительной стабилизации экономической ситуации [MacFarquhar, Schoenhals, 2006, p. 1–2]. Тут, очевидно, сказывается общая фиксированность мейнстримной западной политологии на проблемах власти, которая считается концентрированным выражением политики. При этом вопросы идеологии и даже экономики представляются как вторичные. Между тем сам Мао совершенно не считал, что идеология является прикрытием или инструментом осуществления власти, напротив, он многократно заявлял, что главное – это идеология, именно она рождает верную или ошибочную политику, и даже новые экономические отношения.

Второй подход исходит из китайских традиций и в каком-то смысле смыкается с официальной китайской оценкой. Конечно, совпадает здесь не терминология, а общее направление поиска причин. То, что в официальной китайской оценке называется «пережитками многовекового феодального деспотизма», у авторов этого направ-

ления превращается в тысячелетнюю традицию, которую Мао невольно возродил, даже ее отрицая. Так, по мнению одного из основателей теории «политической культуры», политолога-китаеведа Л. Пая, Мао объединил марксизм с конфуцианством, в результате чего «ленинизм в его маоистской форме превратился в новый моральный порядок, который придал новый импульс претензиям властителей на моральное превосходство и непобедимость» [MacFarquhar, Schoenhals, 2006, p. 239]. В результате был создан некий «конфуцианский ленинизм», в котором правители претендуют на монополию на добродетель, общество направляется моралистической идеологией, а правящий аппарат якобы состоит из образцовых людей, искушенных в теоретических вопросах. Этим сохранением традиционного упора на моральный порядок Пай объясняет, в частности, «чрезмерную важность идеологии в годы Мао», который видел в качестве цели культурной революции «сделать то, на что не могли решиться даже китайские императоры и мандарины, проявлявшие гораздо большую осмотрительность». «Он стремился использовать легитимность морального порядка для мобилизации народа на материальное развитие, в особенности во время “Большого скачка” и “культурной революции”», – пишет Пай [MacFarquhar, Schoenhals, 2006].

Тут автор в некотором смысле противоречит сам себе. Ведь если побудительным мотивом Мао было соединение конфуцианства и ленинизма, а политика его вышла далеко за рамки традиционной, логично предположить, что влияние второй части, а именно ленинизма, было не менее, а, может быть, и более значительным. Однако этот источник маоизма он, как и другие западные сторонники «вечных традиций», не рассматривает. Вероятно, это происходит потому, что, во-первых, это противоречило бы их вере в уникальную устойчивость и неизменность китайской политической культуры, а, во-вторых, с марксизмом, они, как правило, просто слабо знакомы.

К этой группе можно отнести и другого известного американского китаеведа, Дж.К. Фэрбэнка, который принятие Мао населением в качестве безусловного вождя также объяснял слиянием традиций с современными реалиями власти, давшими более радикальный по сравнению со старым Китаем результат. Он писал: «У многих людей не было другой веры, кроме Мао. Это ставило их в необычную ситуацию. Моральные принципы конфуцианства были размыты, но сменивший их маоизм не мог быть интерпретирован без санкции самого Мао. Это было так, будто Конфуций и Мэн-цзы были живы, и читатель их работ никак не мог высказать независимое суждение по их применению на общественной сцене. Характерное для конфуцианства увещевание властителя от имени вечной истины, от которой он мог отклониться, было невозможно, пока Мао был у власти и время от времени менял свои мнения» [Fairbank, 1986, p. 337].

Авторы данного направления отошли от интерпретации «культурной революции» как простой борьбы за власть и отметили важность политической культуры и идеологии. Однако их внимание исключительно к китайским традициям и их абсолютизация представляется по меньшей мере односторонней.

Наконец, к третьей группе относятся в основном авторы, критически настроенные по отношению к либеральному капитализму и позитивно – к поиску различных ему альтернатив. Они рассматривают «культурную революцию» как попытку Мао, пусть и безуспешную, искать такую альтернативу, используя как китайские традиции, про-

тивостоящие западным, так и марксизм. С оценкой «культурной революции» с этих позиций еще в 1969 г. выступил американский китаевед С. Шрам. Он резко противопоставлял китаизированный марксизм Мао идеям и Маркса, и Ленина, и Сталина, считая, что если последние трое в конечном счете были рационалистами и сторонниками материального прогресса (даже Сталин выступал за материальную заинтересованность), то Мао, интерпретируемый как чуть ли не как энвайронменталист и противник прогресса, «апеллирует к страху относительно того, что экономическое развитие, являющееся естественным последствием такого прогресса, приведет к появлению "ревизионизма", "экономизма" и других аморальных тенденций, которые он разглядел в СССР» [Schram, 1969, p. 39]. В результате в третий период своего интеллектуально развития, начавшийся в 1964 г., китайский лидер пришел к необходимости «революции посредством моральной трансформации людей» [Schram, 1969, p. 40]. Причины этого Шрам связывает не с традицией, а с необходимостью поиска «китайского пути к социализму», основанного на своеобразии китайского общества. Как он образно отмечал, «использование трактора на рисовом поле гораздо более сомнительно, чем в русских степях»[1] [Schram, 1969, p. 36].

В результате в Китае сложилась новая революционная теория, отличная от марксизма и не только отражающая недовольство разрывом между экономическим развитием Запада и государств Азии и Африки, но и способная вызвать отклик на самом Западе. «Таким образом, через столетие после того, как Маркс написал свои статьи о британском владычестве в Индии, мы продвинулись от спасения через европейское технологическое знание к "популизму" в мировом масштабе. Революцию "бедных и пустых"[2] можно рассматривать как естественную реакцию азиатских и африканских обществ на неприятный факт продолжающегося европейского экономического превосходства. Но отклик, который культурная революция нашла на Западе, предполагает, что он поднял проблемы, которые не являются простым последствием неразвитости. Мао и китайцы пытаются найти путь не входить в общество, в котором доминирует экономическая и техническая рациональность. Многие народы в Европе и Америке, в особенности студенты, думают о том, как из неё выйти. Но это другая история» [Schram, 1969, p. 40].

С самых времен «культурной революции» и до сегодняшнего дня эти и подобные мысли переходят из работы в работу многих западных авторов. Так, немецкий синолог Т. Хеберер в статье 2009 г. делает вывод о том, что «культурная революция» может быть «понята как попытка ответа на западные концепции модернизации» [Heberer, 2009, p. 165-181], основанная на радикальном эгалитаризме. Он выводит отдельные элементы идей Мао того времени как из марксизма, так и китайской традиционной политической культуры. Признавая травму, нанесенную Китаю «культурной революцией», он, вслед за некоторыми китайскими авторами, видит ее позитивную роль в том, что она показала пример негативного развития обществу, и, ослабив роль старой, революционной элиты, также ослабила и потенциальную враждебность по отношению к реформам.

[1] Что, кстати, свидетельствует о плохом знакомстве автора с производством риса, так как в нем трактора широко используются (*прим. автора*).

[2] Имеется в виду «пустой» или «чистый» лист бумаги, так Мао назвал необразованных крестьян.

В вышедшей в 2020 г. книге «Культурная революция и революционная культура» итальянский исследователь А. Руссо отметил, что «культурная революция» «была коммунистическим движением, целью которого было произвести полный пересмотр коммунизма», ее суть сводилась к «радикальному рассмотрению существующих альтернатив капитализму», которое он связывает как с развитием марксизма с 1848 г., так и «общемировым политическим феноменом 1960-х годов и его китайского очага, одним из основных проектов которого было основание современного коммунизма». Он отвергает наиболее распространенный подход к событиям тех лет, сформированный на «современном фаталистическом консенсусе относительно господства капитализма», и заявляет, что в своей книге «исследует китайские события в Китае 1960-х и 1970-х годов в качестве возможного ресурса для строительства интеллектуального горизонта эгалитарной политики» [Russo, 2020, p. 1–2].

В данном подходе важно обращение к марксистским идеологическим истокам «культурной революции», рассмотрение ее теоретических оснований как продукта эволюции марксизма в его ленинской форме. Немаловажна и замеченная связь с современными западными левыми учениями, которые также развивали марксизм в разных направлениях. В то же время попытки левых западных авторов рассматривать политическую кампанию, в результате которой погибли даже по официальным китайским данным по меньшей мере десятки тысяч людей, пострадали десятки миллионов [50 лет Великой Октябрьской социалистической революции…, 1968, с. 453], а экономика и политическая и система страны были практически полностью разрушены, да еще и черпать в ней вдохновение для построения справедливого общества будущего, мягко говоря, вызывают некоторые возражения.

Отдельный интерес представляют оценки «культурной революции» в СССР – стране, политическая и идеологическая системы которой долгое время служили образцом для китайских коммунистов, и в которой гораздо лучше, чем в других странах, понимали коммунистический Китай (после распада СССР эти подходы во многом сохранились).

Опираясь на это понимание, советские синологи раньше и подробнее западных коллег описали документы, ход, события и последствия «культурной революции», хотя и не все их труды сразу же стали доступны широкому читателю. Так, фундаментальный четырехтомный труд Ю.М. Галеновича, как и многие другие, издавались под грифом «для служебного пользования» и распространялись только среди специалистов [Галенович, 1974а; Галенович, 1974б; Галенович, 1975; Галенович, 1977]. В то же время в них, как правило, не содержалось фундаментального анализа ее причин и идеологических истоков, а оценки в основном сводились к официальной критике «отхода» китайского руководства от истинного (т.е. советского) марксизма-ленинизма и к описанию ее сокрушительных последствий для населения. Тем не менее наиболее наблюдательные советские исследователи уже 1970–1980-е гг. увидели идеологическую близость между маоизмом и западными левыми – как синологами, так и теоретиками типа Ж.-П. Сартра или Р. Гароди, в работах которых «“культурной революции” придавался романтический, благообразный вид» и предпринимались попытки изобразить эту «изуверскую кампанию» как «стремление “создать новую пролетарскую культуру”, избавиться от наследия прошлого» или сформировать «новую революционную модель социализма» [Усов, 1982, с. 42–44].

В целом среди советских авторов можно выделить две основные группы, подходы которых в принципе во многом совпадали, хотя возникли они по совершенно разным причинам. Первый – это советские коммунистические бюрократы и их сторонники в научных кругах, целью которых была критика КПК и ее лидера за отход от «истинного марксизма», которого якобы придерживались в самом СССР. Интересно, что большинство из них критиковало Мао и его сторонников не за «левый уклон», как потом это делали коммунисты-реформаторы, а за «мелкобуржуазный национализм» и «гегемонизм» [Галенович, 1974, с. 4], причиной которых якобы стала отсталость Китая и глубокая укорененность «феодальных», то есть еще докапиталистических отношений. В этом они, как это ни парадоксально, во многом сходились в оценках со сторонниками «влияния традиций» на Западе, конечно, давая ему совершенно другие характеристики. Советские лидеры уже с 1966 г. называли курс «Мао Цзэдуна и его группы» «великодержавным» и «шовинистическим», в котором слились «мелкобуржуазный авантюризм» и «великодержавный шовинизм», прикрываемые «левой» фразой [КПСС в резолюциях и решениях съездов…, 1978, с. 166; Брежнев, 1970, с. 111], то есть левизна была лишь прикрытием. Этот подход был вызван критикой антисоветской внешней политики Пекина, которая, как считала Москва, шла против ее собственного истинного интернационализма и заботы об интересах всех стран, обусловленных тем, что СССР как лидер мирового социализма представлял всеобщие интересы и объективное направление мирового развития. Борьба же с Москвой могла вестись только на основе эгоистического великодержавия и крайнего национализма (шовинизма).

Внутренние истоки «культурной революции» официальные советские авторы видели в борьбе двух направлений в китайском руководстве, длившейся еще со второй половины 1950-х гг., со времени Большого скачка. Одно из них выступало за «рациональные методы развития народного хозяйства с учетом опыта социалистических стран» (то есть СССР и его союзников), а другое, «возглавляемое Мао Цзэдуном, категорически отвергало международный опыт строительства социализма, настаивало на волюнтаристских методах управления хозяйством, на форсировании темпов экономического развития» [Борисов, Колосков, 1980, с. 346–247]. При этом теоретические основы идеологии Мао обычно не исследовались, считалось, что его группа хотела достичь более быстрого и эффективного развития, чем СССР, чтобы занять ведущее место в международном коммунистическом движении и мире в целом, что и объявлялось великодержавием, шовинизмом и раскольничеством[3].

Вторая группа советских комментаторов – исследователи-реформаторы, использовавшие критику группы Мао для завуалированного изображения порядков в собственной стране. Это вело к искренне критическому, но не вполне объективному описанию, так как китайские реалии часто отождествлялись с советскими даже тогда, когда в реальности они сильно различались. Мао в их описаниях выступал беспринципным и расчетливым деспотом типа И.В. Сталина, которого интересовала только

[3] Ранее таким же образом характеризовался курс руководства Югославии, также отказавшейся идти в русле советской политики (подробнее см.: Каменская Е.В. «Культурная революция» в Китае во второй половине 1960-х годов на страницах советской прессы и в восприятии населения // Вестник Пермского университета. 2014, вып. 4 (27). С. 159–167).

личная власть, использовавшим идеологию и экономическую политику лишь в качестве инструмента для ее достижения. Борьбу «хунвэйбинов» против старых партийцев они также описывали как хорошо организованную и до мелочей рассчитанную операцию властей, сходную со сталинскими репрессиями, каковой она в действительности не являлась [Лукин, 2018, с. 90–93]. «Культурная революция» — это результат неспособности китайского руководства во главе с Мао Цзэдуном разрешить острое противоречие между низким экономическим и культурным уровнем Китая и его положением как великой мировой державы. Как свидетельствует исторический опыт, это противоречие не может быть разрешено за несколько лет… Большой скачок был продиктован стремлением искусственно его преодолеть. Эта попытка сорвалась. «Культурная революция» — новое усилие по его разрешению с помощью прежних, уже обанкротившихся авантюристических методов. Насколько можно судить, замыслы группы Мао состоят в том, чтобы, законсервировав на много лет нынешний низкий жизненный уровень, обеспечив абсолютное господство «маоцзэдунизма», направить насколько возможно большую часть национального дохода на развитие военно-технического потенциала, укрепление вооруженных сил и бюрократического аппарата, беспрекословно выполняющего указания Мао, какими бы нелепыми они ни были. По мнению руководителей КПК, это — единственный путь возрождения «великого Китая», – писал один из лидеров этого направления Л.П. Делюсин в 1967 г. [Делюсин, 1967, с. 45]. Эти слова вполне можно было бы отнести и к СССР того времени, активно занимавшемуся военным строительством во многом за счет социальных программ и нужд экономического развития. Что касается Китая, то в том, что здесь сказано, нет ничего явно неверного, однако без обсуждения доктринальных истоков политики Мао оно кажется несколько односторонним. В своем упоре на факторы борьбы за власть и раскол с СССР авторы этой группы сходились с основным направлением западных наблюдателей. Отличие их состояло в том, что они считали отход Мао от идеального «истинного», «ленинского» пути (подразумевалось, что на нем твердо стояли советские руководители) результатом «китаизации» марксизма, то есть влияния на него китайских традиций [Бурлацкий, 1976].

В российском китаеведении официальная советская критика «культурной революции» в некоторых работах парадоксальным образом переродилась в ее частичное одобрение. Бывшие ортодоксальные коммунисты увидели некоторую историческую правоту в борьбе Мао с «ревизионистами» и «перерожденцами», которые, по их мнению, в СССР привели коммунистический строй к краху [Кулик, 2000, с. 389–398]. Академические же оценки «культурной революции» продолжали концентрироваться на борьбе Мао Цзэдуна за абсолютную власть (в связи с чем подчеркивалась ее спланированность и управляемость сверху) [К 50-летию…, 2016, с. 110, 112–113, 119], а причины и формы ее проведения по-прежнему чаще всего объяснялись «принципиальным отличием китайского общества от европейского» [Там же, с. 135].

В целом за прошедшие 60 лет по поводу «культурной революции» было высказано много полезных идей, однако адекватный и комплексный подход к ней, в особенности в свете дальнейшего развития некоторых направлений общественной мысли, на которые она в той или иной степени повлияла, пока отсутствует. Настоящая работа является попыткой начать разработку такого подхода.

Идеи «культурной революции» как результат развития марксистской теории

Прежде всего, говоря об идеях и теоретических положениях, приведших к «культурной революции» или объяснявших ее необходимость в Китае, следует понимать, что они явились результатом развития, или ревизии, марксисткой теории в ее ленинско-сталинской интерпретации. Оба термина («развитие» и «ревизия») в марксистском контексте означают одно и то же, а именно, изменение, но «развитие» — это изменение одобряемое, а «ревизия» – критикуемое, поэтому для одних Мао Цзэдун был великим теоретиком, а для других – ревизионистом. Для нас имеет значение лишь то, что он несколько видоизменил некоторые марксистские положения, и хотя изменения эти были весьма существенными, они вполне сравнимы с теми, что привнес Ленин по отношению к Марксу, Сталин – по отношению к Ленину, Н.С. Хрущов или А. Грамши с еврокоммунистами – по отношению к Сталину и т.п. Где кончается марксизм в процессе этих изменений и начинается принципиально другое учение – вопрос довольно сложный. Ответ на него во многом зависит от позиции того, кто на него отвечает. Любое учение – христианство, ислам, буддизм – изменяются как со временем, так и приходя на новые территории и смешиваясь с местными традициями, и где естественная индигенизация (локализация) переходит в синкретизм, решить непросто [Лукин, Пузанова, 2021, с. 15–22].

Попробуем провести линию таких изменений в рассматриваемом случае непосредственно от основателей марксизма. К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что коммунизм – последнее идеальное состояние общества или общественно-экономическая формация, с которой заканчивается предыстория и начинается истинная история человечества [Маркс, 1959, с. 8]. Ее основой является принцип «Каждый по способностям – каждому по потребностям», который обеспечивается изобилием продуктов производства, достигаемым только при капитализме. После достижения такого изобилия, когда количества продуктов может хватить на всех, победе коммунизма мешает только несправедливое распределение, при котором класс капиталистов присваивает прибавочный продукт, то есть натуральную основу прибыли [Маркс, 1961, с. 20]. В этих условиях социальная революция способна уничтожить класс капиталистов (не физически, а путем обобществления собственности), и свободное общество будет распределять товары согласно потребностям, что и есть коммунизм. Осуществить все это должны промышленные рабочие или пролетариат как передовой класс, уже не обладающий частной собственностью [Маркс, Энгельс, 1955а, с. 447].

Здесь важно три момента, отмеченных К. Марксом и Ф. Энгельсом в разное время. Во-первых, такая революция не может произойти до того, когда будет достигнуто изобилие, то есть до этапа развитого капитализма [Маркс, 1959, с. 7]. Во-вторых, как оба они поясняли, «историческая неизбежность» этого пути была ими «ограничена странами Западной Европы» [Маркс, 1964, с. 137]. Перечисляя государства, где одновременно должна произойти коммунистическая революция, Ф. Энгельс назвал Англию, США, Францию и Германию, то есть наиболее развитые страны Запада [Энгельс, 1955, с. 334].

В других государствах ситуация может быть отличной. Когда русские революционеры-народники обратились к Марксу с вопросом, может ли революция победить в отсталой России раньше времени и нельзя ли строить в ней коммунизм на основе сельской общины, в которой земля ежегодно перераспределялась по количеству едоков, то есть уже по коммунистическому принципу потребностей, основатель марксизма ответил, что это возможно, если будут устранены «тлетворные влияния, которым она [община] подвергается со всех сторон», и обеспечены нормальные условия ее свободного развития [Маркс, 1964, с. 137]. В предисловии ко второму русскоязычному изданию «Манифеста коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс уточнили, что «современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития», если «русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга» [Маркс, Энгельс, 1961, с. 305]. Таким образом, они не отрицали возможную роль крестьянства в переходе к коммунизму в отсталой незападной стране при определенных условиях.

В-третьих, между переходом власти к сторонникам коммунистов и созданием коммунистического общества, согласно основоположникам, должен быть некоторый переходный период, в течение которого система собственности будет меняться под руководством «диктатуры пролетариата», а экономика – развиваться до необходимого для изобилия уровня [Маркс, 1961, с. 19–20, 27–28]. В это время государственная власть будет сохраняться и продолжат существовать отдельные государства, исчезнут лишь «враждебные отношения наций между собой», и все это перестанет существовать лишь на более зрелой стадии коммунизма и будет сменено некими «ассоциациями» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 444–445].

Все последующие марксисты развивали эти положения в разные стороны. Захватившие власть в России первыми сторонники В.И. Ленина должны были теоретически обосновать свою власть. Прежде всего, они объявили бедных крестьян союзниками пролетариата, которого в России было недостаточно. Столкнувшись с тем, что русская ситуация не дала старта «мировой революции», а быстрое обобществление собственности вызвало беспорядки и восстания, они, после долгих и острых дебатов, заключили, что переходный период может длиться довольно продолжительный срок, за который на Западе рабочие возьмут власть, а недостаточно эффективная экономическая база сравнительно отсталой России будет доводиться до необходимого уровня. Этот курс получил название «новой экономической политики» (НЭП), в рамках которой были разрешены элементы частной собственности и рынка. И.В. Сталин, так и не дождавшись мировой революции, но отнюдь не собиравшийся отдавать власть, ввел положение о возможности построения социализма, то есть первого, не вполне зрелого этапа коммунизма, в одной стране без революции на Западе. Это дало ему теоретическую возможность свернуть НЭП и забрать землю у крестьян под видом коллективизации. Тем не менее, когда в еще более отсталом Китае к власти пришли коммунисты, даже И.В. Сталин как марксист понимал, что немедленный коммунизм там совершенно невозможен, и советовал им начать с более умеренной политики, решая задачи сравнительно длительного переходного периода [Ледовский, 1999, с. 55–56, 76].

Во многих как западных и российских, так и независимых китайских комментариях можно найти мнение, согласно которому Мао пришел к идее борьбы с ревизионистами и «сторонниками капиталистического пути» внутри КПК ситуативно, реагируя на нежелание партийного большинства в КПК проводить в жизнь все его решения и указания, что ранило его самомнение как великого лидера. Кроме того, он искал теоретическое обоснование своих разногласий с КПСС, которые начались после смерти И.В. Сталина поначалу из-за борьбы за лидерство в мировом коммунистическом движении с Н.С. Хрущевым.

Согласно различным документам и высказываниям Мао, советский, а ранее югославский и венгерский отход от его понимания коммунизма, «буржуазное перерождение» компартий в этих странах, действительно были для него важными внешними аргументами в рассуждениях о необходимости бороться с «ревизионизмом» внутри Китая. Однако вряд ли это было ключевой причиной для начала «культурной революции», скорее – дополнительным предлогом. Главными мотивами были внутренние. Разногласия в КПК относительно пути развития страны после захвата власти существовали задолго до 1966 и даже до 1949 г., они лишь не выливались ранее в острую борьбу в связи с тем, что были менее актуальны, чем более насущные проблемы КПК. Известный специалист по китайской истории первой половины XX в. А.В. Меликсетов показал, что в первые же годы после прихода к власти в руководстве КПК возникла борьба вокруг интерпретации концепции «новой демократии», выдвинутой Мао еще на рубеже 1930-х – 1940-х гг. и предусматривавшей длительный переходный период, в течение которого должны были поддерживаться смешанная экономика и даже некоторый политический плюрализм [Смирнов, 2012, с. 380–386]. Мао Цзэдун и часть его сторонников рассматривали эту программу тактически, как метод приобретения популярности, необходимой для прихода к власти, после чего можно будет быстро перейти к коммунизации средств производства. Другие же деятели КПК искренне поддерживали программу «новой демократии» и пытались воплотить в жизнь [Меликсетов, 1996, с. 83].

Откуда же у Мао взялись идеи, в конечном счете приведшие к «культурной революции»? По нашему мнению, их вполне можно вывести из коммунистической доктрины, проделав лишь небольшие дополнительные шаги. Рассмотрим эту программу по пунктам.

1. *Немедленное огосударствление средств производства или длительный переходный период?*

Спор об этом велся не только в Китае. В такую же дискуссию за 30 лет до них вступили и русские большевики. Ленин, как известно, все свои действия весьма догматично оценивал на основе советов Маркса, к текстам которого относился почти как к священным [Russell, 1920, p. 8]. Маркс, как отмечалось, писал о переходном периоде, но не указывал на его длительность, поэтому любой марксист мог интерпретировать ее по-своему, от нескольких недель до многих лет. Придя к власти, Ленин начал проводить политику быстрого огосударствления (военный коммунизм),

что привело к серьезному кризису. Тогда, понимая, что надо немного отступить, он вспомнил идею переходного периода и решил его продлить на неопределенный срок, как он говорил «всерьез и надолго», но «не навсегда» [Ленин, 1970, с. 311]. При этом он, с одной стороны, откровенно признал неудачу быстрого «штурма» капитализма, но с другой, называл НЭП периодом длительной планомерной его «осады» при помощи временного введения «государственного капитализма», который в перспективе все же должен закончиться взятием крепости и введением полного коммунизма.

Среди видных большевиков отнюдь не все приветствовали государственный капитализм. Некоторые из них, такие как Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Е.А. Преображенский и другие, критиковали его с самого начала, а затем составили основу «левой оппозиции». Их сторонники даже расшифровывали НЭП как «новую эксплуатацию пролетариата» [Шпаковский, 2020, с. 222].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. И.В. Сталин все же завершил НЭП и провел практически полное огосударствление собственности. Новый кризис и даже голод, унесший миллионы жизней, его интересовали меньше, чем возможность полного контроля над всеми сферами деятельности в рамках системы бюрократического социализма, которую он создал [Лукин, 2021, с. 63-84]. В то же время, как отмечалось выше, китайским коллегам он все же советовал ввести что-то вроде НЭПа на длительный срок.

Но Мао не был сталинистом и тем более сторонником тех, кто выступал за продолжение НЭПа («правых большевиков», которых Сталин уничтожил вслед за «левыми»). В марксистском плане в вопросе собственности он был типичным «левым» коммунистом, здесь он не внес в марксистские дискуссии ничего нового. Уже в начале 1960-х гг. он, вполне в духе советских критиков НЭПа, утверждал, что, если в Китае не провести быстрое огосударствление экономики, то он может «превратиться практически в буржуазное государство, а диктатура пролетариата может выродиться в диктатуру буржуазии, более того, оно может выродиться в реакционную, фашистскую диктатуру» [Мао Цзэдун, 1976с, с. 12].

В этом смысле оценки «культурной революции» в официальном китайском Решении 1981 г. как «левацкой» ошибки совершенно закономерны, так как Решение писалось сторонниками правого курса, которые в Китае, в отличие от СССР, выжили в период репрессий (что кстати также было связано с тем, что Мао был сторонником левого, а не бюрократического социализма).

2. *«Культурная революция»*

Сам термин «культурная революция» был введен в большевистский дискурс Лениным и затем активно использовался в СССР. Однако там под ним понималось не совсем то, что в Китае Мао Цзэдуном. Ленин и поддерживавший его по этому вопросу Л.Д. Троцкий считали, что «культурная революция» должна заключаться в повышении культурного уровня крестьянской массы до передового. При этом это повышение должно идти параллельно с развитием производства, что обеспечит уровень общественного развития, необходимый для коммунизма, и оправдает «досрочный»

захват власти большевиками. В 1923 г. Ленин по этому поводу писал: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим. Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [Ленин, 1970, с. 377; Троцкий, 1927]. Исходя из этого, он утверждал, что «пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества» [Ленин, 1981, с. 304–305]. Троцкий же, вполне в согласии с Марксом, утверждал: «Пролетариат в буржуазном обществе – неимущий и обездоленный класс и потому культуры своей создать не может. Овладев властью, он только впервые по-настоящему и убеждается в своей ужасающей культурной отсталости. Чтобы победить ее, ему нужно уничтожить те условия, которые сохраняют его, как класс. Чем больше можно будет говорить о новой культуре, тем меньше она будет носить классовый характер» [Троцкий, 1924, с. XII].

Этому подходу противостояли сторонники идеи, согласно которой «пролетарская культура» «в дальнейшем своем развитии может строиться только самостоятельными усилиями того же пролетариата, верного своим классовым задачам и воспринимающего жизнь в строгом соответствии с этими задачами» [Троцкий, 1927]. Возглавив «Пролетарские культурно-просветительные организации» (Пролеткульт) и Российскую организацию пролетарских писателей (РАПП), они провозглашали необходимость пролетариату (то есть коммунистам) произвести «такую же революцию в области культурной, какую произвел он в областях экономической и политической», осуществить «захват власти» пролетариатом в области искусства, тем самым обеспечив там свою гегемонию [Литературные манифесты…, 1929, с. 205–206]. В СССР эти организации и тенденции были разгромлены И.В. Сталиным, поддержавшим в этом вопросе линию Ленина-Троцкого, но в Китае при Мао она победила. Как видим, и здесь Мао в период «культурной революции» продолжает линию крайне левого большевизма на ускорение коммунизации не только производства, но и культурной сферы.

3. *Продолжение классовой борьбы после победы революции, причины существования враждебной идеологии*

Для оправдания выдвижения «борьбы с каппутистами[4]» и «ревизионистами» в качестве основной цели «культурной революции» Мао Цзэдун выдвинул теорию со-

[4] Обладающий властью в партии, но идущий по капиталистическому пути (走资本主义道路的当权派, сокр. 走资派). Термин периода «культурной революции».

хранения буржуазной идеологии при социализме. Подобная теория существовала и в СССР, однако здесь Мао внес некоторые изменения. Еще в 1919 г., оправдывая свою диктатуру перед западными социал-демократами, Ленин, вполне обоснованно ссылаясь на высказывания Маркса о диктатуре пролетариата как переходном периоде от капитализма к социализму, заявлял: «В течение всего этого переходного времени сопротивление перевороту будут оказывать и капиталисты, а равно их многочисленные приспешники из буржуазной интеллигенции, сопротивляющиеся сознательно, и громадная масса слишком забитых мелкобуржуазными привычками и традициями трудящихся, крестьян в том числе, сопротивляющихся сплошь да рядом бессознательно… Уничтожение классов — дело долгой, трудной, упорной *классовой борьбы*, которая после свержения власти капитала, *после* разрушения буржуазного государства, *после* установления диктатуры пролетариата *не исчезает* (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [Ленин, 1969, с. 386–387]. Сталин, когда говорил об «обострении классовой борьбы при социализме», лишь во многом повторял эти мысли, оправдывая собственные репрессии [Сталин, 1928]. Пожалуй, он пошел вперед лишь в том, что объявил: основой этого обострения является не только усиливающееся сопротивление остатков старых классов (то есть в конечном счете социально-экономическая причина), но также «вредительская и диверсионно-шпионская работа агентов иностранных государств», которые «проникли не только в низовые организации, но и на некоторые ответственные посты» [Сталин, 1937].

Заявления Мао о проникновении врагов на руководящие посты в КПК и госаппарат и необходимости решительной борьбы с ними, таким образом, мало отличались от этой теории советских коммунистов. Однако причину этого сохранения врагов и их проникновения в партию Мао видел несколько в другом. Он гораздо меньше говорил о вредителях и шпионах, которые подрывали экономику, а больше об идеологии, то есть в марксистской терминологии не об экономическом базисе общества, а о его надстройке. Так, еще в декабре 1963 г. он отмечал: «Экономический базис общества уже изменился, но искусство как часть надстройки, обслуживающая базис, до сих пор представляет собой серьезную проблему. Надо как следует взяться за дело... Как ни странно, многие коммунисты с рвением проповедуют феодально-буржуазное, но только не социалистическое искусство» [Мао Цзэдун, 1976f]. Здесь мы наблюдаем серьезный отход (или, если хотите, развитие) учения К. Маркса о том, что «формы общественного сознания» как часть надстройки соответствуют «совокупности производственных отношений», составляющих «реальный базис» общества [Маркс, 1859]. Прямо противоречит это и позиции Ленина. Впрочем, развитие – это вполне логично. Если сам Маркс допускал роль передельной общины в России при переходе к социализму, а Сталин – сохранение буржуазных элементов, то почему не может сохраниться и соответствующее им сознание? В одной из статей в журнале «Чжунго циннянь» эти идеи Мао разъяснялись более подробно: «Как класс буржуазия имеет не только свою экономическую основу – систему капиталистической собственности, но и свою надстройку: буржуазные политические взгляды и идеологию. Будучи составной частью надстройки, политические взгляды и идеология имеют

в отношении экономического базиса относительную самостоятельность, их нельзя ликвидировать сразу же после ликвидации старого базиса. Политические взгляды и идеология в надстройке также имеют относительную самостоятельность в отношении политической системы в надстройке. Люди могут путем разрушения ликвидировать реакционную политическую машину, а реакционные политические взгляды и идеологию нельзя разрушить, их можно ликвидировать только в результате перевоспитания в течение длительного времени. Поэтому, хотя лишение класса экономической базы и лишение его основных условий экономического существования имеет решающее значение для ликвидации этого класса, это ни в коем случае не означает его немедленной ликвидации. Пока представители этого класса не перевоспитаны, пока существует идейно-политическое влияние этого класса, нельзя говорить об окончательной его ликвидации» [Кулик, 2000, с. 381]. Позднее Мао пошел еще дальше и стал утверждать, что в социалистическом обществе могут существовать не только идеологические остатки буржуазной идеологии, но «возможно также и зарождение новых буржуазных элементов» [Мао Цзэдун, 1962]. Все эти положения лишь немного развивали идеи Сталина о том, что после смены власти надстройка становится «величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы» [Сталин, 1953], а также о возможности внешнего (зарубежного) влияния на внутренние процессы при социализме. Если новые элементы надстройки влияют на базис в прогрессивном направлении, то мысли о том, что ее старые элементы намеренно тормозят эти изменения и что с ними надо жестко бороться – всего один шаг.

Важнейшей частью этого подхода Мао стала, как мы видим, мысль о необходимости перевоспитания противников и масс. Желание изменить сознание «масс» и создать «нового человека», конечно, существовало в марксизме с самого начала. Оно исходит из идей К. Маркса и Ф. Энгельса об идеологии (самосознании) докоммунистических обществ как «ложных» или «иллюзорных» представлениях (сознании), которые должны быть заменены при коммунизме на истинное (то есть адекватно отражающее общественное развитие) сознание пролетариата [Маркс, Энгельс, 1955b, с. 11; Энгельс, 1966, с. 83]. В условиях победы революции в отсталой стране истинное сознание олицетворяет коммунистическая партия, и, как считал Ленин, к ней переходит решение задачи «побороть сопротивление капиталистов» и путем «просвещения» осуществить «переделку массы» [Ленин, 1981, с. 405–408]. Сталин также говорил о необходимости «переделать» психологию крестьянства, чтобы «сблизить» его с рабочим классом [Сталин, 1950, с. 162].

Однако Мао здесь сильно расходился со Сталиным и даже с Лениным, для которых оппоненты были убежденными врагами, шпионами и намеренными вредителями, которых надо уничтожать физически. Массы же, с их точки зрения, должны были поднимать свой культурный и идеологический уровень при помощи образования.

В отличие от них, Мао боролся с врагами, зараженными отжившими свой век идеями, поэтому их надо было не убивать, а перевоспитывать. Но «культурная революция» значила для китайского вождя и неповышение уровня образования. Массы он предпочитал бедные и неграмотные, так как они более «революционны» и в боль-

шей степени поддаются перевоспитанию в истинную идеологию [Мао Цзэдун, 1956], а «умники», которые читали слишком много старых книг, только мешают созданию новой культуры. Интеллигенцию в период «культурной революции» называли последней, «девятой вонючей категорией» общества (臭老九). Образование, по мнению вождя, должно быть не книжным, а практическим, тесно связанным с производством или деревенским трудом и с военной подготовкой [Мао Цзэдун, 1976a].

Мао многократно заявлял, что «культурная революция» должна «затронуть человеческие души» [Мао Цзэдун, 1976b]. Конечно, левокоммунистическое перевоспитание было жестким, и многие, не выдержав, погибли. Но уничтожение не было целью, и сам Мао многократно говорил о том, что предпочитает не государственные репрессии, а самодеятельность масс в этом вопросе: пусть, де, революционные массы сами решают, как поступать с «перерожденцами» [Мао Цзэдун, 1976g]. В 1967 г. он, например, дал следующее указание: «Необходимо правильно относиться к массам, которых ввели в заблуждение. Нельзя оказывать давление на введённые в заблуждение массы. Главным здесь является идеологическая и политическая работа. Что касается осуществления диктатуры в отношении вредных элементов, то правительство и левые группировки не должны прибегать к арестам. Следует мобилизовать революционные массовые организации, чтобы они сами решали эти вопросы. В Пекине, например, в основном поступают именно так. Диктатура должна быть диктатурой масс. Аресты людей от имени правительства не назовешь хорошим методом. Правительство должно арестовывать крайне незначительное число людей и делать это лишь по требованию масс и при их содействии» [Мао Цзэдун, 1976i]. Постановление Пленума ЦК КПК, прошедшего в августе 1966 г., разрешало не преследовать учащихся высших, специальных, средних учебных заведений и начальных школ за любые правонарушения, кроме полностью доказанных случаев совершения убийств, поджога, отравления, вредительства, хищения государственной тайны [Постановление Центрального Комитета…, 1966].

И эти слова не были простым прикрытием государственного террора, как это часто бывало у Сталина. Репрессии в период «культурной революции» проводились другим способом, обычно не централизовано, бессистемно, с большим элементом самодеятельности снизу. Целью было перевоспитание и изменение сознания, отсюда – школы перевоспитания, иезуитские методы, заставлявшие жертв признавать свои ошибочные мысли, подробно их записывать и излагать политическим воспитателям и т.п. Несмотря на жертвы и страдания, эта левая модель репрессий в конечном счете сыграла с Мао злую шутку, так как выжившие недоперевоспитанные «каппутисты», дождавшись его смерти, пришли к власти и взялись за старое, тогда как в СССР все «оппозиционеры» были уничтожены. Но об этом китайский вождь уже не узнал и умер в уверенности в успехе «культурной революции».

4. *Перманентная революция (перевоспитание, демократия, война)*

Важная доктринальная инновация Мао Цзэдуна, направленная на объяснение необходимости «культурной революции» – идея о большой длительности «переходного

периода» и необходимости постоянной борьбы с врагами. В разное время он говорил, что вопрос «кто кого» будет решаться более ста лет или даже «несколько сотен лет» [Gaoju Mao Zedong sixiang…, 1966], причем «всеобщий хаос, ведущий к установлению абсолютного порядка, должен повторяться каждые 7–8 лет», так как за это время вылезает на поверхность вся контрреволюционная нечисть [Мао Цзэдун, 1966а; Ван Хунвэнь, 1973]. Положение о периодическом повторении «культурной революции было включено в Устав КПК, принятый на 10-м съезде партии [Устав Коммунистической партии Китая…, 1973].

«Теория продолжения революции при диктатуре пролетариата», выдвинутая Мао и вошедшая в конституцию КНР 1975 г. [Конституция Китайской Народной Республики…, 1975], возникла отнюдь не на пустом месте. Она мало чем отличается от «непрерывной» или «перманентной» революции, идея которой встречается еще у К. Маркса. Так, в работе 1850 г. «Классовая борьба во Франции» он утверждает, что истинный социализм коммунистического направления, в отличие от «доктринерского» и «утопического» мелкобуржуазного социализма, «есть объявление непрерывной революции» [Маркс, 1956, с. 91]. Обсуждая в марте того же года тактику коммунистов в Германии, К. Маркс и Ф. Энгельс призывали «сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев» [Маркс, Энгельс, 1956, с. 261]. Таким образом, хотя проведение «непрерывной революции» предполагалось в период до завоевания власти пролетариатом, она должна была продолжаться до его победы во всех «господствующих странах мира» и проведения во всех них коммунистических преобразований. Если это касалось Германии, которую, несмотря на относительную неразвитость пролетариата, классики марксизма относили «цивилизованным странам» Запада, то еще более верным это должно было быть для более отсталой России и, тем более, Китая.

После победы большевиков в России концепцию «перманентной революции» подробно развивал Л.Д. Троцкий, посвятивший ей несколько статей и целую книгу, в которой писал: «Завоевание власти пролетариатом не завершает революцию, а только открывает ее. Социалистическое строительство мыслимо лишь на основе классовой борьбы в национальном и международном масштабе. Эта борьба, в условиях решающего преобладания капиталистических отношений на мировой арене, будет неизбежно приводить ко взрывам внутренней, т.е. гражданской, и внешней, революционной войны. В этом состоит перманентный характер социалистической революции…», которая «может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества» [Троцкий, 1930, с. 167]. Троцкий противопоставлял теорию перманентной революции сталинской идее возможности построения социализма в одной стране, и считал, что завершение социалистической революции в национальных рамках «немыслимо» [Троцкий, 1930].

В СССР эта теория была запрещена Сталиным как троцкистская. В Китае же Мао Цзэдун, первоначально отмежевывавшийся от нее и противопоставлявший ей теорию

«перерастания» (转变论) [Мао Цзэдун, 1952, с. 372], по мере приобретения идеологической самостоятельности начал говорить о ней более позитивно. Обосновывая «Большой скачок» в начале 1958, он прямо поддержал идею «перманентной революции» (不断革命), хотя и утверждал, что интерпретирует ее не так, как Троцкий.

Выступая в Ханчжоу в начале января 1958 г. он заявлял: «Давайте поговорим о теории непрерывной революции… Тактика – ковать железо, пока горячо, не допускать слишком долгих разрывов, передышек. Нельзя «строить систему новой демократии». Если построишь, придется снова тратить силы, чтобы ее сломать» [Mao Zedong, 2006a].

28 января на Высшем совещании по государственным делам он говорил: «Я придерживаюсь теории непрерывной революции. Но вы не должны принимать ее за теорию перманентной революции Троцкого. Революции нужно совершать, пока железо горячо, чтобы одна шла за другой и между ними не было заминок… Троцкий выступал за то, чтобы начинать социалистическую революцию еще до завершения демократической революции, но мы так не считаем… В таких странах, как Польша и Югославия, после установления демократической системы прошло семь-восемь лет, там появились богатые крестьяне. Но нужно объединить все силы, даже не устанавливая системы новой демократии» [Mao Zedong, 2006b, p. 27].

31 января он написал: «Непрерывная революция. Наши революции следуют одна за другой. За захватом политической власти по всей стране в 1949 году последовала антифеодальная земельная реформа, после ее успешного завершения началось кооперирование в сельском хозяйстве, затем было развернуто социалистическое преобразование частной промышленности, торговли, торговли и ремесленного производства… Наша революция подобна сражению: после победы нужно быстро поставить новую задачу. Таким образом можно стимулировать кадры и массы на поддержание бодрого революционного духа и уменьшить чувство заносчивости, даже если захотят возгордиться, а времени-то и нет» [Mao Zedong, 2006c, p. 45].

Из этих и других многочисленных высказываний на эту тему, сделанных в 1958 г., становится ясно, что именно левомарксистская идея перманентной революции стала для Мао теоретической основой всего курса на ускоренное строительство социализма в отсталом китайском обществе в условиях разочарования «правой» программой строительства в Китае «новой демократии», которую он ранее принимал, очевидно, лишь из тактических соображений [Меликсетов, 1996]. Подобный курс, по его мнению, победил в других странах, где, коммунисты, придя к власти, пошли неверным путем: поначалу он говорил о Венгрии, Югославии, затем к ним прибавился и СССР и большинство его союзников [Meisner, 1999, pp. 191–203]. Если понимание Мао «перманентной революции» чем-то и отличается от понимания Троцкого, то только тем, что начинаться она должна была раньше и длиться дольше, даже после полного утверждения коммунистов у власти и победы социализма, то есть, по коммунистическим меркам, было еще «левее». Но тут следует отметить, что Мао имел дело с еще более отсталой страной, чем Россия, где, с точки зрения марксиста, некоммунистическая стихия была еще сильнее, пролетариат слабее и его «перерождение» – более вероятным, поэтому и меры требовались экстраординарные.

Впоследствии Мао больше предпочитал говорить о «продолжении классовой борьбы после победы революции», не употребляя термин «перманентная революция»,

вероятно для того, чтобы не ассоциироваться с троцкизмом. Однако он фактически повторял многие тезисы Троцкого. Ему не могла не импонировать мысль русского революционера о том, что невозможность полной победы социализма в одной стране снимает вопрос о странах, «созревших» и «несозревших» для социализма. В результате отсталые страны «могут, при известных условиях, раньше передовых прийти к диктатуре пролетариата, но позже их – к социализму» [Троцкий, 1930, с. 167–168]. То есть, как и считал Мао, диктатуру пролетариата в Китае установить можно, но построить бесклассовое общество нельзя, точнее, это очень сложно и требует крайне длительной борьбы с остатками враждебных классов, которая, возможно, продлится столетия.

Из этого, между прочим, следует два вывода. Во-первых, необходимость продолжить борьбу за «демократию». О необходимости завершить не только социалистическую, но и демократическую революцию Мао писал, например, в «10-ти пунктах» в мае 1963 г. [Мао Цзэдун, 1976h]. Но надо иметь в виду, что здесь понимается под «демократией». В марксистско-ленинском понимании это не плюрализм, соревнование различных партий и общественных сил, а «власть народа», осуществляемая в его интересах партией «пролетариата» в период «диктатуры пролетариата» [Маркс, 1875, с. 27–28]. С этой точки зрения, как преподавали в советской школе, диктатура пролетариата – это и есть высшая форма демократии. Партия руководима вождем Мао Цзэдуном, который только и может обеспечить верное направление политики, а, значит его полная власть и есть наиболее полная демократия.

Но, поясняет Мао, диктатура пролетариата должна быть не просто формально установлена при сохранении некоторого представительства буржуазных сил, как, например, предусмотрено программой «новой демократии» (это еще решение задач низшей формы демократии, демократии «буржуазной»)[5], она должна полностью уничтожить все враждебные классы и их идеологическое влияние, а на это может потребоваться сотни лет. Поэтому борьба за социализм, то есть за полную национализацию экономики как базы враждебных классов, должна вестись параллельно с борьбой за демократию, то есть за ликвидацию любых форм политического и культурно-идеологического влияния этих классов. Это и есть «культурная революция».

Во-вторых, из этой позиции Троцкого и Мао вытекает необходимость активно стимулировать мировую революцию. Сам Мао прямо не писал, что революция в Китае не может победить без мировой революции, но веру в конечную победу мирового коммунизма и ее непосредственную связь с мировой войной, в результате которой эта победа будет достигнута, он разделял с Лениным, Троцким и Сталиным. Ленин сформулировал по этим вопросам ряд принципиальных позиций. По его мнению, Первая мировая война велась некоммунистическим правительством, поэтому она была несправедливой и ее надо было «превратить в гражданскую», то есть восполь-

[5] Вот что говорил В.И. Ленин на съезде российских коммунистов в марте 1919 г.: «В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции, – наша революция до организации комитетов бедноты, т. е. до лета и даже осени 1918 года, была в значительной мере революцией буржуазной» (см. также: Ленин В.И. Отчет Центрального Комитета. VIII съезд РКП(б) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 38, стр. 143).

зоваться внутренними трудностями и захватить власть (что он и сделал в 1917 г.). Ее роль – в создании условий для революции. Но после прихода к власти в России «пролетариата», уже в 1918 г. он заявлял: «Величайшая трудность русской революции, ее величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой». Для реализации этих целей содействия «мировой революции», без которой в теории не могло быть коммунизма, был создан Коммунистический интернационал (Коминтерн) – механизм стимулирования коммунистических революций в других странах. Он, собственно, и дал жизнь КПК в 1921 г., а затем поддерживал ее, как и компартии во многих других странах.

Все большевики в принципе разделяли эту позицию. Различия были только в тактике, причем те из них, что находились в руководстве, порой вынуждены были проявлять некоторую осторожность чтобы не втянуть еще слабую Советскую Россию в серьезную войну. Например, так действовал Троцкий, когда был народным комиссаром и ведущим членом Политбюро, но, перейдя в оппозицию, стал критиковать Сталина за пацифизм [Панцов, 2001, с. 147–160]. Но Сталин, конечно, не был пацифистом, в этом отношении он был реалистом и иногда предпочитал не обострять ситуации для СССР путем открытой провокации войн и восстаний. Тем не менее он отнюдь не был против увеличения территории «мирового социализма» в результате Второй мировой войны. До конца жизни он считал новую мировую войну неизбежной, так как «чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм» [Сталин, 1952, с. 86]. Соответственно, к войне надо готовиться. Только Н.С. Хрущев отошел от этой позиции, провозгласив на XX съезде КПСС в 1956 г. возможность парламентского перехода к социализму в капиталистических странах без гражданской войны и, соответственно, возможность «мирного сосуществования» с капиталистическими странами, так как необходимость войны для мировой революции теперь отпадает. Конечно, это было связано, прежде всего, с пониманием в Москве того, что новая мировая война может превратиться в ядерную и в ее результате не будет не только коммунизма, но и человечества вообще. Однако Мао Цзэдун сохранил больше элементов традиционной позиции большевиков и имел все основания обвинять советского лидера в ревизионизме. Как известно, выступая на совещании коммунистических партий во время своего последнего визита в Москву в ноябре 1957 г., он, не отвергая в принципе возможности сохранения мира в связи с ростом влияния «социалистического лагеря» (это все же было смягчением по сравнению с позицией Сталина), произнес знаменитые слова о том, что в результате войны, если ее развяжут империалисты, «в крайнем случае погибнет половина людей, но останется еще другая половина, зато империализм будет стерт с лица земли и весь мир станет социалистическим». «Пройдет сколько-то лет, население опять вырастет до 2700 миллионов человек, а наверняка и еще больше», – сказал Мао. И добавил: «Если изо дня в день бояться войны, то что же вы будете делать, когда война придет?» [Мао Цзэдун, 1975а]. Примерно те же мысли он повторил через год в другом выступлении уже в КНР [Мао Цзэдун, 1958]. После испытаний ядерного оружия в Китае в 1964 г. самоуверенность Мао, естественно, только увеличилась. Это привело к политике активно-

го поддерживания маоистских компартий и вооруженных группировок, боровшихся за немедленный захват власти во многих странах Азии, то есть к курсу, мало чем отличавшемуся от курса Коминтерна, а также попыткам «распропагандировать» (т.е. перевоспитать) иностранных специалистов, дипломатов и всех, кто попадался на глаза сторонникам Мао как в Китае, так и за рубежом.

Таким образом, внешнеполитический курс советских лидеров после Хрущева можно назвать более гуманным или реалистичным, но с точки зрения марксизма он был более толерантен по отношению к капитализму, то есть более «правым», а позиция Мао, соответственно, «левой».

В целом концепция «продолжения революции» Мао Цзэдуна уходит своими корнями в идею К. Маркса о диктатуре пролетариата как переходном периоде от капитализма к социализму, сходна с идеей Сталина об усилении классовой борьбы при социализме и практически идентична «перманентной революции» Троцкого, который лишь не считал, что она будет длиться столетие или больше. Кстати, это положение о столетии или больше для переходного периода использовалось и китайскими «правыми». Оно сохраняется в Китае и сегодня, однако в «правой» интерпретации решение задач этого периода необходимо достигать иными методами.

5. *Утопический социализм*

Все рассмотренное выше по большому счету относилось к методам достижения коммунизма как идеального общества. Каким же Мао Цзэдун и его соратники по «культурной революции» видели сам этот идеал? Маркс подробно свой коммунистический идеал не описал, он в основном исследовал капиталистическую формацию. Ясно, что его суть – «уничтожение частной собственности» [Маркс, Энгельс, 1848, с. 438], однако сроки и механизм этого уничтожения не вполне ясны. В любом случае, по мнению Маркса, уничтожение частной собственности – это не уничтожение собственности вообще, а только той, с помощью которой капиталист присваивает «прибавочный продукт» (то есть использует наемный труд, акторам которого отдает меньше, чем он реально стоит). Происходить это будет постепенно, на первом этапе (этапе «диктатуры пролетариата»), когда коммунистическое общество выходит из капиталистического, оно в экономическом, нравственном и умственном отношении «сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло». В этот период пролетарское государство осуществляет меры по обобществлению и централизации производства, а справедливое распределение происходит по квитанциям, по которым работник «получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда». Впрочем, Маркс отмечал, что приводит эту ситуацию «для примера», а не в качестве какого-то закона [Маркс, 1875, с. 18]. На более развитом этапе «на место старого буржуазного общества» с его классами и классовыми противоположностями приходит ассоциация, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», распределение производится по потребностям [Маркс, 1875, с. 18]. Важно, что Маркс постоянно подчеркивал, что говорит о «наиболее передовых странах» [Маркс,

Энгельс, 1848] и что обобществление частной собственности должно происходить в обществе, где она наиболее развита. Преждевременные формы уравнительного распределения он называет «грубым коммунизмом»: «Грубый коммунизм есть лишь завершение этой зависти и этого нивелирования, исходящее из *представления* о некоем минимуме. У него — *определенная ограниченная* мера. Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации, из возврата к *неестественной* простоте *бедного*, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 115].

Таким образом, уже Маркс описывал сам коммунизм и механизм перехода к нему противоречиво. С одной стороны, он должен возникнуть в развитых государствах на основе развитого капитализма, с другой – можно брать власть и в других странах и дотягивать общество до «зрелого» коммунистического стандарта. Последующие поколения марксистов решали это противоречие в разных направлениях, исходя из собственных интересов.

Представления Мао Цзэдуна об обществе, которое он пытался создать, изложены в нескольких документах, прежде всего, в резолюции по докладу Линь Бяо, наложенной 7 мая 1966 г. Его идеи по строительству коммунизма сводились к следующему.

1. Создание «трудовых армий» для организации одновременного производства, образования и военного дела (идея таких армий есть у Маркса и Троцкого, который даже организовал их временно во время гражданской войны в СССР).
2. Сельские коммуны превратить в самодостаточные предприятия, которые кроме сельского хозяйства будут заниматься «военным делом, политикой, культурой», а также создавать небольшие предприятия на коллективных началах и критиковать буржуазию.
3. В области образования: сократить сроки обучения и овладевать «не только гуманитарными науками, но и знаниями в области промышленности, сельского хозяйства и военного дела», «критиковать буржуазию» и сократить влияние интеллигенции в образовании [Мао Цзэдун, 1976е].

Эти предложения были естественным продолжением его планов Большого скачка, сформулированных еще за десятилетие до этого, за провал которых Мао винил «ревизионистов». Уже тогда он создал «народные коммуны», в которых была организована уравнительная система распределения (大锅饭)[6], шло активное внедрение талонов на получение основных продовольственных товаров, была поставлена задача уничтожения «трех больших различий»: между городом и деревней, промышленными рабочими и крестьянами, умственным и физическим трудом [Jianchi zhishi qingnian…, 1967]. Крестьян страны призывали учиться у образцовой коммуны Дачжай, якобы добившейся полной самодостаточности, где крестьяне работали не как раньше днем и только в теплый сезон, но и по ночам, и зимой. Во многих местах крестьяне, согласно лозунгам пропаганды, буквально передвигали холмы (которые на-

[6] Буквально – «Большой котел с рисом».

зывали «горами»), строили водохранилища, туннели и каналы. Для усиления энтузиазма в местах работы вещали громкоговорители, из которых звучала музыка и песни, а ночью во время отдыха крестьянам показывали кинофильмы. Рабочие учились у нефтяников Дацина, который пропагандировался как образцовый коммунистический промышленный город, где объединялись в одно целое городские и сельские районы. Ликвидация «трех больших различий» и всеобщее равенство достигались тем, что все ресурсы, включая жилье, продовольствие, право пользования государственной землей, и общественные работы, распределялись централизованно, мужчины работали в полях и получали заработную плату и пенсию от государства, а женщины и дети старшего возраста были заняты на сельхозработах и обеспечивали снабжение продовольствием. С ростом механизации сельского хозяйства создавались небольшие фабрики. Высланные из города студенты участвовали в производстве либо в поле, либо на фабриках. Учреждения сферы обслуживания: общественные столовые, поликлиники, детские сады, школы, – управлялись коллективами [«В сельском хозяйстве учиться…», 1976; Li Hou, 2021; Zhongjie Lin, 2025].

Все эти меры, осуществлявшиеся Мао Цзэдуном в «культурную революцию» и до нее, еще со времен Большого скачка, в принципе описывались марксистскими теоретиками, включая самого Маркса. Даже термины: «коммуна», ликвидации «противоречий» между городом и деревней, умственным и трудом, отмирание денег и распределение по квитанциям или талонам – все это встречается в описаниях «диктатуры пролетариата» и коммунизма у Маркса, а также Ленина, Троцкого, и других марксистских теоретиков. Другое дело, что Маркс, очевидно, предполагал, что подобные меры должны проводиться в развитых странах на принципиально более высоком уровне развития. Однако рецепта, что делать коммунистам в отсталых странах, он не оставил. У его последователей в СССР были различные мнения. Троцкий, будучи в оппозиции, фактически не видел различия между развитыми и неразвитыми странами, Сталин занял более «правую» позицию, по сути, предлагая Китаю что-то вроде советского «НЭПа», который он в самом СССР подавил. В этом контексте идеи Мао в период «культурной революции» можно определить как вполне марксистские, развивающие идеи большевиков и Сталина в левом направлении, то есть, в каком мыслили и российские противники «НЭПа», «Брестского мира» и сторонники продолжения «военного коммунизма» и «трудовых армий». Но эти идеи или их часть в принципе на каком-то этапе разделяли многие советские лидеры: Ленин в период до «НЭПа», позднее вынужденный перейти к правой политике из-за опасений потерять власть, Сталин в аспекте «обострения классовой борьбы при социализме» и «неизбежности мировой войны», и даже Хрущев, отобравший у советских колхозников приусадебные участки, то есть двигавший деревню в сторону китайских «коммун». Называть идеи Мао немарксистскими на этом основании можно, только признавая всех советских лидеров немарксистами, а марксистами – исключительно российских меньшевиков, таких как Г.В. Плеханов, который вообще призывал своих сторонников не брать власть, а развивать капитализм и буржуазную демократию.

Есть множество свидетельств того, что сам Мао считал себя именно марксистским теоретиком и пытался войти в историю в качестве такового. Например, он написал несколько пространных и крайне догматических марксистских произведений, не имев-

ших особенного практического смысла. Находясь в Яньани, он внимательно читал книги официальных советских философов-марксистов (И.М. Широков, А.С. Айзенберг, М.Б. Митин) и оставил длинные комментарии к ним. На этой основе в июле-августе он прочитал курс лекций в Университете Красной армии о диалектическом материализме, конспекты которых были изданы в 1938–1940 годах как весьма пространный текст (60 тыс. иероглифов) [Mao Zedong jiangshou…, 2012].

По поводу отношения автора к марксизму и традиционной культуре там ясно говорилось: «В связи с отсталостью развития китайского общества, развивающееся сегодня в Китае идейное течение диалектического материализма вышло не из преемственности и преобразования собственного философского наследия, но из изучения марксизма–ленинизма. Тем не менее, это идейное течение в Китае необходимо углублять и развивать, и твердо вести китайскую революцию по пути к окончательной победе, одновременно следует вести борьбу с различными существующими философскими учениями, водрузить знамя критики на общенациональном идейном фронте, и тем самым окончательно рассчитаться с древнекитайским философским наследием, и только тогда можно достичь цели» [Mao Zedong, 1938]. Правда, в период борьбы в Ван Мином и борьбой с влиянием Коминтерна он порой высказывался о традиционной китайской культуре более позитивно. Но делал это Мао, вероятно, лишь в политических целях, и в периоды Большого скачка «культурной революции», как показано выше, полностью обосновывал свой курс марксистской аргументацией [Mao Zedong, 1938, с. 74].

Части этого труда были переработаны в статьи «Относительно противоречий» и «Относительно практики», в которых в довольно абстрактной форме пересказываются и обсуждаются премудрости марксистской диалектики. После прихода к власти в Китае Мао Цзэдун специально обратился с просьбой к Сталину прислать философа-марксиста для редактирования его трудов для их большего соответствия марксистской теории. В результате в Китай был направлен П.Ф. Юдин [Хрущёв, 1997, с. 327], который позднее был назначен послов в этой стране. Тем же занималась и специальная комиссия ЦК КПК, которую возглавлял ее главный идеолог Чэн Бода [Федоренко, 1989, с. 163].

В 1950–1960-е годы Мао Цзэдун часто полемизировал с идеями и даже отдельными произведениями И.В. Сталина, принимая одни его положения и отвергая другие. Однако вся эта критика, даже в выступлениях на закрытых совещаниях, велась в чисто марксистской парадигме. Никаких примеров или теорий из китайской истории или традиционной философии он не приводил, вся аргументация облекалась в формы ленинско-сталинского марксизма [Мао Цзэдун, 1975a, с. 100–114; Мао Цзэдун, 1975b, с. 123–134; Мао Цзэдун, 1976d, с. 150–154].

В отношении того, что Мао был «утопистом» в смысле недостижимости его цели, то это, безусловно, так. Но такими же утопистами были все марксисты во главе с самим Марксом. Вряд ли можно представить, что Маркс, придя в результате какой-то игры истории к власти даже в самой развитой стране Европы, смог бы построить там общество, основанное на принципе «каждый по способности – каждому по потребности». Скорее всего, он привел бы ее к такой же катастрофе, к какой Мао привел Китай.

Идеология «культурной революции» и традиционная китайская политическая культура

Обнаружить связь идеологии «культурной революции» с китайской политической культурой до 1911 г. гораздо сложнее, чем с классическим марксизмом. Здесь может быть два подхода: искать сознательную преемственность, высказываемую в выступлениях лидеров, политиков и общественных деятелей (которая, кстати, несмотря на декларации, на поверку может оказаться внешней и мнимой, используемой в политических целях), и пытаться обнаружить неосознанную преемственность выразившуюся в бессознательном следовании некоторым культурным кодам или моделям, пусть на поверхности и в новых формах [Лотман, Успенский, 2002, с. 88–115].

Что касается первого, то тут какая-либо преемственность вообще не просматривается. Мао Цзэдун крайне критично относился к основной китайской морально-философской системе – конфуцианству и ее основателю – Конфуцию, и даже организовал в период «культурной революции» в 1973 г. целую кампанию против его учения, объединив неизвестно по каким признакам его критику с поношением своего бывшего соратника Линь Бяо [Делюсин, 1988, с. 3–140]. И хотя иногда он в тактических целях и призывал изучать древнюю китайскую философию, в том числе и Конфуция, то это было задолго до «культурной революции» [Лукин, 2023, с. 73–74]. Ненависть Мао и других сторонников «культурной революции» к древнему философу вполне понятна: вся система конфуцианства прямо противоречила маоизму, его идеалы строго иерархического общества, основанного на традициях, морали и культуре, шли вразрез стремлению Мао разрушить старую культуру и общественную структуру до основания. Здесь скорее можно увидеть преемственность по отношению к более раннему китайскому революционному движению с его лозунгом «Долой лавку Конфуция!», которое всегда, начиная со второй половины второго десятилетия XX в., было настроено антиконфуциански, так как многие китайские революционеры винили тысячелетнее господство конфуцианской мысли за историческое отставание Китая в развитии от Запада.

Но и часто высказываемое Мао одобрение «легистов» и Цинь Шихуана также не говорит о преемственности. Одобрял он в основном их решительность и беспощадность к конфуцианцам, но не идеи строгой централизованной власти без какой-либо роли народа.

В 1970 г. Мао, отвечая тем, кто считал, что гений в Китае рождается один раз в тысячу лет, с одобрением высказался о четырех китайских «гениях», живших в разные эпохи: руководителях восстания против Циньской империи в конце III в. до н.э. Чэнь Шэне и У Гуане, лидере тайпинского восстания против Цинской империи в середине XIX в. Хун Сюцюане и основателе партии Гоминьдан Сунь Ятсене [Wang Zijin, 1993, p. 340].

То есть Мао скорее видел себя и то, что он делает, в особенности в период «культурной революции», не как продолжение китайской традиции, а как борьбу с ней, лидером восставших и продолжателем китайской революционной борьбы, начатой еще лидером тайпинов Хун Сюцюанем, который объявил себя братом Иисуса Христа, а вовсе не Конфуция, Сунь Ятсеном и другими китайскими революционерами, также

искавшими правду на Западе, но на основе наиболее прогрессивного и последовательного западного учения – марксизма, которое он адаптировал к реальностям отсталого Китая.

Стремление же Мао Цзэдуна к разрушению государственной системы и культуры силами молодежи и неимущих слоев общества вообще не характерны для традиционного Китая и даже для китайской революционной традиции, которая, сформировавшись в «эпоху унижений» китайских государства и нации, всегда рассматривали революцию как инструмент восстановления Китая на своем законном историческом месте в качестве мощной державы. Здесь Мао гораздо ближе к советскому левому большевизму, которое в свою очередь ведет свою историю от русских анархистов типа М.А. Бакунина и П.Н. Ткачева. Они как раз предлагали все силы сконцентрировать именно на разрушении старого государства, так как в царской России государство было сильно и восстанавливать его место в мире не требовалось. Именно поэтому большинство китайских революционеров были государственниками, а русских – антигосударственниками. Бакунин, как известно, призывал к союзу со всеми люмпенами и бандитами в революционном разрушении всей системы старого государства и законодательства, а освобожденный народ, по его мнению, должен был сам разобраться, как построить свободное общество (за что был подвергнут критике К. Марксом) [Маркс, Энгельс, 1961, с. 388–424]. Кстати, термин «казарменный коммунизм», которым советские марксисты часто определяли маоистский общественный идеал, впервые употребили К. Маркс и Ф. Энгельс как раз для характеристики революционных планов М.А. Бакунина и его коллеги С.Г. Нечаева, согласно которому в обществе будущего исчезнет всякое «честолюбие», люди будут стремиться производить как можно больше, а потреблять как можно меньше, будут сосуществовать «общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безымянный и никому неизвестный «наш комитет» [Маркс, Энгельс, 1961, с. 414]. Ткачев же вообще предлагал «для обновления России… уничтожить всех людей старше 25 лет» в связи с недостаточной революционностью остальной части человечества [Анненская, 1913, с. 62].

Идея уничтожения ненужных или, по крайней мере, необязательных для нового общества людей имеет тоже глубокие корни в революционном движении, в том числе русском [Карякин, 2009]. Мао Цзэдун тут даже проявлял некоторую мягкость, лишь говоря о приемлемости уничтожения половины человечества, но предпочитая перевоспитание. Гораздо дальше него пошли его последователи «красные кхмеры» в Камбодже, еще далее «развившие» маоизм на основе местных традиций и радикальных постколониалистских теорий Ф. Фанона и С. Амина. Они попытались ликвидировать «три больших различия» путем физического уничтожения горожан, интеллигенции и представителей «эксплуататорских» классов, а заодно и всех «врагов» вместе с семьями [Jackson, 1989, p. 241–250].

Что касается неосознанного влияния, то его довольно трудно обосновать. Основные доказательства такого влияния, как внутри Китая, так и за его пределами, сводятся к аргументации, сходной с позициями китайских критиков «культурной революции»: основанная на конфуцианстве китайская традиционная психология якобы

способствовала тому, что население безропотно приняло Мао Цзэдуна как нового императора, то есть непререкаемого лидера, а сам Мао Цзэдун видел себя таковым и считал себя вправе ставить любые социальные эксперименты.

С идеей вождизма как наследия имперского Китая не все однозначно. Конечно, в Китае он мог принимать национальную окраску, но в принципе «культ личности» характерен для всех коммунистических государств от СССР до Северной Кореи. В 1920-е гг. в СССР «вождями» считались все высокопоставленные коммунисты, их именами называли города и предприятия. Культ «вождей» происходит из идеи исключительной роли коммунистической партии как руководящей силы пролетариата в отсталых странах, где самого пролетариата количественно мало, а идеологически он недостаточно зрел. В этом случае, согласно Ленину, роль «передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией» [Ленин, 1903, с. 25].

Таким образом, истина от всего класса в целом переходит к партии. Но Сталин, обосновывая репрессии, «выяснил», что враги пробрались и в партию, носителем истины и залогом верности избранного пути становится все понимающий вождь. Ни Ленин, ни Сталин, ни Мао официально не легитимизировали свою диктатуру, ведя свою историю от прежних династий, а искали легитимности в марксизме, хотя некоторые из них, в особенности Сталин, на определенном этапе использовали имперскую символику.

Наверное, можно рассматривать Мао не как конфуцианца, а как одного из лидеров традиционного крестьянского восстания, некоторые из которых руководили религиозными сектантами, сторонниками сложных утопических доктрин. В случае успешного захвата власти и основания новой династии она рано или поздно обычно возвращалась к традиционному конфуцианству. В этом смысле период Мао можно считать коротким началом новой династии, тем более что нынешние руководители КНР действительно все чаще обращаются к некоторым конфуцианским принципам. Но такой взгляд весьма односторонен. Китай сегодня сильно отличается от традиционного, он стал частью мировых процессов индустриализации, урбанизации и глобализации. Если и считать гражданскую войну крестьянским восстанием, то оно уж точно было последним, так как крестьян в Китае становится все меньше. Сценарий полного возвращения к традициям представляется нереалистичным, и политика КПК гораздо лучше вписывается в картину распространения марксизма и его адаптации в разных регионах мира, чем в попытки представить коммунистов новой китайской династией.

Все подобные аргументы в бердяевском стиле, якобы доказывающие, что китайская культура неизбежно порождает деспотию и все возвращается на круги своя, противоречат реальности. Конфуцианством, например, в разных странах объясняют что угодно. Например, когда японская экономика в 1960–1970-е гг. быстро росла, это объясняли национальной психологией трудолюбия, исполнительности и преданности руководству компании, основанных на конфуцианской традиции. А когда в стране начался экономический застой, его стали объяснять вызванной конфуцианством косностью и безынициативностью. Относительно политических систем также можно сказать, что если в материковом Китае традиции породили деспотический режим, то в населенных в основном китайцами Тайване, Гонконге и Сингапуре – совершенно

другие политические системы. Конечно, везде были свои сопутствующие обстоятельства, но что бы произошло там без них, мы с точностью сказать не может. Зато мы можем уверенно утверждать, что в двух частях конфуцианской Кореи на основе практически одинаковой политической культуры возникло два совершенно разных режима. Поэтому, хотя исследования в этом направлении и могут быть интересными, слишком широкие обобщения о вечном и однозначном влиянии китайских традиций на современность мы вынуждены подвергнуть сомнению за их недоказуемостью.

Идеология «культурной революции» как одна из первых «критических теорий»

Концепция «критической теории» в социальных науках была разработана представителями «Франкфуртской школы» в 1930–1940-е гг. В программной статье М. Хоркхаймера ее отличия от «традиционной теории» объясняются исходя из марксистского положения о том, что ход истории является продуктом экономического механизма. Автор утверждает, что такая теория одновременно содержит как протест против подобного хода вещей, так и идею «самоопределения человеческой расы», то есть «такого положения дел, в котором источником действия человека более не является механизм, но его собственное решение» [Horkheimer, 1982, p. 229].

По сути, в общетеоретическом плане в этом подходе не было ничего нового. Он просто означал возврат от попыток позитивистов сделать социальную теорию по возможности объективной к рассмотрению общества с точки зрения некоего абстрактного идеала, как это всегда было в обществах, где в сфере познания доминировала та или иная идеология. Если М. Вебер за несколько десятилетий до этого посчитал необходимым отделять в социальных науках рассмотрение «сущего» от «долженствующего быть сущим» [Weber, 1949], то Хоркхаймер и его коллеги призывали вернуться к их соединению. Фактически «критическая теория» стала развитием идеи Маркса о том, что задача философов не объяснять мир, а изменять его, точнее, объяснять, чтобы изменять [Маркс, 1845].

Другим важнейшим элементом, который развивали сторонники критической теории, был подход Маркса к идеологии. Маркс называл идеологией всю культурную сферу общества, которая определяется его экономическим базисом и направлена на оправдание существующих производственных отношений в интересах правящего класса во всех докоммунистических обществах, то есть до прихода к власти пролетариата. Пролетариат же, не обладая собственностью, не нуждается и в идеологии. Придя к власти, он пользуется ею в интересах всего общества, так как его интересы с ними совпадают.

Развитие теории Маркса заключалось в том, что Хоркхаймер и «ситуацию пролетариата» в условиях капитализма провозглашал не гарантирующей «правильного знания». Это было ответом европейских марксистов XX в. на тот факт, что предсказанная Марксом пролетарская революция в развитых странах не произошла. Если в СССР таким ответом стала сталинская теория «построения социализма в одной стране», то на Западе – теория мощности буржуазной идеологии, которая была навязана

даже пролетариату. Отсюда перенос центра борьбы на идеологию – взять власть пролетариат не может, точнее, не ставит такую цель, потому что впитал буржуазную идеологию. Поэтому марксисты должны начинать с разоблачения механизма этого навязывания и исправления сознания пролетариата. Этому, собственно, и была посвящена деятельность большинства представителей франкфуртской школы, в годы господства нацизма разъехавшихся по разным странам Европы и США: самого М. Хоркхаймера, Г. Маркузе, Т. Адорно, Д. Лукача, а также развивавших сходные идеи марксистских философов А. Грамши, Л. Альтюссера, Г. Дебора и других.

Постепенно сторонники критического подхода шли дальше, распространяя свои усилия по исправлению сознания с пролетариата на другие «угнетенные группы», которые сами из-за давления доминирующей идеологии не могут определить своего истинного положения, и, следовательно, своих истинных интересов. Такими группами разными направлениями провозглашались женщины (радикальный феминизм), жители колоний (постколониализм), представители сексуальных меньшинств (ЛГБТ-исследования), негры в США и странах Европы, исторически занимавшиеся работорговлей (Критическая расовая теория) или все они вместе взятые. Сторонники этих теорий отходили от традиционного марксизма дальше, чем западные марксисты XX в. Они изменяли одну из основных идей Маркса о пролетариате как классе – строителе коммунизма, ставя на его место другие группы, но сохраняли многие иные структурные черты марксизма. В каждой из этих «критических теорий» выделясь одна наиболее угнетенная группа современного общества и ликвидация этого «системного» угнетения провозглашалась главным способом достижения утопического общественного идеала. Ликвидация эта могла быть осуществлена только через изменение сознания как угнетающих, так и угнетенных, и те, и другие должны признать соответственно «привилегированное» и «угнетенное» положение, о котором они могут даже не знать, так как воспитаны идеологией, это угнетение оправдывающей. Результата можно достигать путем как легального давления на правительство, так и прямого действия, устраивая массовые демонстрации, митинги и даже погромы, так как в борьбе за справедливость необходимо сначала жестко разрушить старые структуры и идеологию. В результате «проснувшиеся» (woke), то есть осознавшие все это передовые граждане, как из бывших угнетателей, так и угнетенных, начнут менять систему, создавая «равенство стартовых условий», то есть путем введения различных привилегий и квот компенсировать угнетенным их неравное положение и отбирать привилегии у угнетателей. Так будет создано общество всеобщего равенства и справедливости.

Во многих странах эти теории стимулировали явления, сходные с отдельными элементами «культурной революции»: от запретов на выражение «неправильных идей» (deplatforming), разделения общества на «эксплуататорские» и угнетенные социальные группы, курсы перевоспитания в рамках новой идеологии «разнообразия, равенства и инклюзивности» в государственных учреждениях и частных кампаниях, где людям необходимо каяться в своих «скрытых» или «подсознательных» «расистских», «маскулинных» или «гомофобных» мыслях, о которых они ранее даже не знали, до массовых погромов, выдаваемых за легитимные мирные акции борьбы за права угнетенных, переделов собственности и даже поощрения насилия над «привилегированными» и терроризма.

Маоизм в Китае развивался параллельно с этими теориями и в контакте со многими его представителями. И многие совпадения тут не случайны. Они вызваны как общим истоком, корнем «критических» воззрений, так и сходными теоретическими проблемами, которые решались. Главная из них – необходимость обоснования отсутствия предсказанных Марксом и Лениным побед мирового коммунизма, мировой революции и наступления всеобщей справедливости в результате осуществления рекомендованных ими же мер, причину чего находили в утере пролетариатом своей революционности под мощным идеологическим давлением мирового империализма [Фишман, 2014, с. 71], в особенности в отсталых или колониальных странах. Так, согласно идеологу «антиколониализма» Ф. Фанону, «в колониальных странах у пролетариата есть многое, что он может потерять» и он из-за своего привилегированного положения в колониальной системе «тоже составляет “буржуазную” часть колонизированного народа». Самым же революционным классом, как и в Китае у Мао Цзэдуна, здесь является крестьянство, так как ему действительно нечего терять [Fanon, 1963, p. 109, 61].

Маоизм в этом смысле – родной брат западного неомарксизма и двоюродный брат прочих, более современных критических теорий, отошедших от марксизма несколько дальше. Но основные его компоненты весьма близки к любой «критической теории». В нем легко можно увидеть наиболее угнетенную группу («пролетариат», «массы», «беднейшее крестьянство»), акцент на прямом действии для разрушения старого и необходимости решительного изменения сознания как угнетателей, так и многих угнетенных, не способных понять собственные интересы, уравнительские представления о справедливости, утопическую веру в будущее справедливое общество. Этой общностью и объясняется популярность маоизма на Западе, где многие левые политики и теоретики видели в нем новый, более эффективный, революционный и демократичный тип коммунизма после разочарования в бюрократичности и жестокости сталинской модели.

Заключение

Оценивая маоизм в контексте мировой общественной мысли, можно прийти к выводу, что это направление прежде всего является продолжением «левой» тенденции в марксизме. В этом плане нельзя согласиться с мнением, что маоизм не имеет ничего общего с марксизмом Маркса [Gregor, 2019, p. 81], Ленина и даже Сталина [Schram, 1968, с. 40]. Гораздо более обосновано мнение тех, кто находит существование «фундаментальной преемственности» между классическим марксизмом и «мыслью Мао после 1955» [Healy, 2008, p. 537], хотя, конечно, Мао «развивал» (менял) некоторые марксистские положения, приспосабливая их к китайской ситуации и собственным политическим целям, как, собственно, делали до него и все прочие политики-марксисты. Он не был ни марксистским догматиком, ни идеалистом, ни простым диктатором, которому власть нужна была ради власти. Власть для него была важна, но, так же как Ленин или Троцкий, он был жестоким фанатиком-утопистом, использовал власть, чтобы изменить мир согласно своим утопическим представлениям, и ради

этого готов был пожертвовать даже половиной населения Китая и мира. По словам китайского историка Цинь Хуэя, какую именно утопию хотел создать Мао, точно неизвестно, однако «он не выбирал средств для достижения своей утопии, но прежде всего, он не выбирал средств для достижения неограниченной власти, необходимой для достижения этой “утопии, достигаемой без разбора средств”. Это и есть культурная революция и корень многих других сходных катастроф» [Qin Hui, 2016, p. 26].

Курс на «культурную революцию» действительно представлял собой поиски альтернативы западному (капиталистическому) пути развития. Однако если кто-то в Китае и вне его все еще считает, что опыт «культурной революции» сможет помочь Китаю решить эту задачу и действительно перестроить западную современность, основываясь на собственном опыте [Cui Zhiyuan, 2009], то не надо все же забывать, что «культурная революция» привела к тяжелейшей катастрофе и миллионным жертвам, а ее методы «догоняющего развития» полностью провалились, поэтому вряд ли это хорошее подспорье для осуществления подобного проекта. Если уж и использовать ее как пример для будущего, то только как крайне негативный, то есть так же, как опыт нацизма, сталинизма или экспериментов «красных кхмеров» в Камбодже.

А между тем период «культурной революции» становится более популярным в Китае как среди молодежи, которая не помнит ее страшных лет и последствий, так и у руководства страны, которое пытается использовать «красные» настроения в попытке найти идеологическую основу своей политике. Мотивы «культурной революции» звучат и некоторых установках китайских лидеров. Например, недавно Си Цзиньпин провозгласил концепцию «самореволюции» или «революции в отношении самих себя» (自我革命) [Xi Jinping shenru…, 2024], которая весьма напоминает лозунг времен Мао Цзэдуна о необходимости «критики и самокритики» (批评和自我批评), а настойчивые призывы к ее постоянному проведению – левые идеи о «перманентной революции» или маоистскую вечную борьбу за «демократию». Суть самореволюции состоит в необходимости компартии и ее членов постоянно самосовершенствоваться в революционном смысле, бороться с коррупцией и бюрократией путем «исправления стиля работы»[7] и обеспечения дисциплины для достижения стратегической цели «преодоления [буквально: «выпрыгивания из» (跳出) исторического цикла подъемов и падений» [Гончаров, 2022, с. 153–173]. В подходе к внешней политике наиболее ярким напоминанием о «культурной революции» была вспышка активизма китайских дипломатов, вновь пытавшихся в резкой форме начать поучать государственных деятелей и общественность разных стран, как им следует себя вести и оценивать китайскую действительность, получившую за рубежом название «дипломатии боевых волков» (по названию боевика о китайском спецназе, спасающем мир за пределами родины) [Yuan Shaoyu, 2023, 837]. Однако она была спущена на тормозах в связи с резкой реакцией за рубежом и очевидной контрпродуктивностью.

Конечно, если присмотреться, то различия с идеями Мао здесь довольно велики: в отличие от него, нынешний китайский лидер подчеркивает необходимость централизации и укрепления власть официальных партийных структур, а не их разрушение снизу революционной молодежью. В этом смысле его модель ближе к позднесовет-

[7] Кампания по «исправлению стиля работы» (政风) впервые проводилась в КПК еще в 1941–1944–х гг. и служила закреплению власти Мао Цзэдуна и устранению его критиков в партии.

ской бюрократической модели социализма и, в чем-то, китайской традиции, чем к левой модели Мао [Лукин, 2021, с. 71–81. Однако сходство революционной терминологии весьма примечательно: ее просто неоткуда больше брать, и на каком-то этапе оно может стать не только формальным.

Отвергая западную модель как опасную для своей власти, обеспечивающей «стабильность», и советскую модель как неэффективную и приведшую СССР к распаду, оно пытается соединить западные технологии, маоистский революционный дух и централизованную бюрократическую структуру власти советского типа, которую Мао, кстати, решительно отвергал. Составит ли весь этот противоречивый конгломерат эффективную новую модель современности – покажет будущее. Но здесь нынешние китайские лидеры балансируют на острие ножа. Чуть большее развитие свободного рынка, необходимого для технологий, которое допускали при Дэн Сяопине и его ближайших наследниках, по их мнению, может привести к полному «буржуазному перерождению», и тогда непонятно, за что боролись предыдущие поколения коммунистов. Если перегнуть с централизацией – закончишь, как СССР. А если прибавишь революционизма – наступит хаос и развал, как во время «культурной революции». Последний путь здесь, пожалуй, наименее предпочтительный.

Наконец, важный элемент опыта «культурной революции» – провал попыток изменить сознание целого народа. Политическая культура населения любой страны, в том числе и Китая, конечно, меняется, но постепенно и естественным путем. Попытки изменить ее насильственно можно сравнить с попытками искусственно изменить язык, на котором общаются люди, и который, меняясь сам по себе, противится искусственным нововведениям. Стремление создать «нового человека», изменить сознание на основе какого-либо искусственного, часто утопического и даже абсурдного представления властей об общественном идеале было не только у марксистов, это довольно распространенный проект XX в., практически всегда заканчивавшийся кризисом и катастрофой. Люди, конечно, менялись, но совсем не так, как предполагали социальные экспериментаторы, и часто эти изменения обращались против них. Об этом не стоит забывать и в нашем, XXI в. ни на Западе, где деятельность «проснувшихся» уже приводила к массовым беспорядкам, ни в Китае, где растет популярность символики «хунвейбинов», ни в России, где раздаются предложения о «перезагрузке сознания» и привитии россиянам искусственно сконструированных отечественными социальными экспериментаторами, но несвойственных населению ценностей и идеалов. За подобными проектами, где бы их ни выдвигали, чаще всего скрываются попытки выдать за желание населения собственные нереализуемые проекты амбициозных, но малообразованных руководителей и их неспособность понять и обеспечить реальные потребности граждан.

Библиографический список

50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Центрального Комитета КПСС // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет. Т. 6. 1966 – январь-июнь 1968 гг. М.: Политиздат, 1968.

Анненская А.Н. Из прошлых лет (Воспоминания о Н.Ф. Анненском) // Русское богатство. 1913. № 1. С. 53–81.

Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения: 1945-1980. М.: Мысль, 1980.

Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 2. М., 1970.

Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэ-дун: «Наш коронный номер – это война, диктатура». М.: Международные отношения, 1976.

Ван Хунвэнь. Доклад об изменениях в уставе партии (24 августа 1973 г., принято 28 августа 1973 г.) // X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1973.

«В сельском хозяйстве учиться у Дачжая». Материалы Всекитайского совещания «В сельском хозяйстве учиться у Дачжая» (15 сентября – 19 октября 1975 г.). М.: Ин-т Дальнего Востока АН СССР. Отд. информации, 1976.

Галенович Ю.М. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. В 4 кн. М.: ИДВ (для служебного пользования). Кн. 1. Май – декабрь 1966 г. 1974.

Галенович Ю.М. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. В 4 кн. М.: ИДВ (для служебного пользования). Кн. 2. Январь – июнь 1967 г. 1974.

Галенович Ю.М. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. В 4 кн. М.: ИДВ (для служебного пользования). Кн. 3. Июнь – ноябрь 1967 г. 1975.

Галенович Ю.М. «Культурная революция» в Китае. Борьба в китайском руководстве. В 4 кн. М.: ИДВ (для служебного пользования). Кн. 4. Декабрь 1967 – апрель 1969 г. 1977.

Гончаров С.Н. Выпрыгивание из исторического цикла // Проблемы Дальнего Востока. № 6, 2022. С. 153–173.

Делюсин Л.П. «Культурная революция» в Китае. М.: Знание, 1967.

Делюсин Л.П. Кампания «критики Линь Бяо и Конфуция» в КНР (1973–1975 гг.) // Спец. бюллетень ИВ АН СССР. 1988. № 6.

К 50-летию «культурной революции» в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 110–135.

Каменская Е.В. «Культурная революция» в Китае во второй половине 1960-х годов на страницах советской прессы и в восприятии населения // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 4 (27). С. 159–167.

Карякин Ю.Ф. Из «провинциальной хроники» Кампучии // Карякин Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис. М.: Фолио, 2009.

Конституция Китайской Народной Республики (1975 г.) URL: http://maoism.ru/3213 (дата обращения: 01.04.2026).

Коробова А.Н. Полемика о «литературе шрамов» и политика КНР в области литературы в конце 1970-х – середине 1980-х годов // Шаги / Steps. 2022. Т. 8. № 4. С. 120–135.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. 1986. Т. 9.

Кулик Б.Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия. М.: ИДВ РАН, 2000.

Ледовский А.М. СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий 1937–1952. М.: Памятники исторической мысли, 1999.

Ленин В.И. IX Всероссийский съезд Советов. 23–28 декабря 1921 г. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Издательство политической литературы. 1970. Т. 44.

Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1981.

Ленин В.И. Отчет Центрального Комитета. VIII съезд РКП(б) 1919 г. // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 38. М., 1969.

Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 377.

Ленин В.И. Привет венгерским рабочим // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. 1969. Т. 38.

Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Полное собрание сочинений. Т. 41. М., 1981.

Ленин В.И. Что делать? 1902 г.// В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 5.

Литературные манифесты. От символизма к Октябрю. Ред. Н.Л. Бродский, В. Львов-Рогачевский, Н.П. Сидоров. М.: Федерация, 1929.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Лотман Ю.М., Успенский Б.А. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 88–115.

Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России: работы о Китае и российско-китайских отношениях. М.: Международные отношения. 2018.

Лукин А.В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе. М: Российское китаеведение. 2023. С. 71–99.

Лукин А.В. О некоторых проблемах сравнительных исследований политических систем КНР и СССР // Сравнительная политика. 2011. № 1 (3). С. 3-18.

Лукин А.В. От марксизма — к либерализму. Эволюция взглядов старшего поколения сторонников демократического движения в КНР// Общество и государство в Китае. 2010. №1.

Лукин А.В. Политическая система современного Китая и типология коммунистических режимов // Сравнительная политика. 2021. № 3. С. 63–84.

Лукин А.В., Пузанова О.В. «И в Японии жатва многа…». Эволюция мировоззрения святителя Николая Японского и межцивилизационное взаимодействие России, Японии и Запада. М.: Весь мир, 2021.

Мао Цзэдун. Беседа в день праздника весны. 13.02.1964 // Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. М.: Прогресс, 1976a.

Мао Цзэдун. Борьба за вовлечение многомиллионных масс в единый антияпонский национальный фронт // Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 1. Пекин: Жэньмин чубаньше, 1952.

Мао Цзэдун. Важные указания, сделанные во время инспектирования провинции Хубэй. (21 сентября 1967 года) // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск пятый: 1964–1967 годы. М.: Прогресс, 1976b.

Мао Цзэдун. Выступление на проходившем в Москве совещании представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. 18.11.1957 // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск второй: июль 1957 – декабрь 1958 года. М., издательство «Прогресс», 1975a.

Мао Цзэдун. Выступление на расширенном рабочем совещании Центрального комитета. 30.01. 1962. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск четвёртый: январь 1962 – декабрь 1964 года. М.: Прогресс. 1976c.

Мао Цзэдун. Заключительное слово на II пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Китая восьмого созыва (Сокращённая стенограмма). 10–15 ноября 1956 г. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск первый: апрель 1950 – июль 1957 года. М.: Прогресс, 1975b.

Мао Цзэдун. Заключительное слово на совещании секретарей провинциальных и городских комитетов партии. 27 января 1957 г. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск первый: апрель 1950 – июль 1957 года. М.: Прогресс, 1975c.

Мао Цзэдун. О десяти важнейших взаимоотношениях // Мао Цзэдун. Революция и строительство в Китае. М.: Палея–Мишин, 2000.

Мао Цзэдун. Относительно работы «Экономические проблемы социализма в СССР» (стенограмма выступления). Ноябрь 1959 г. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати (1950–1967). Выпуск третий: январь 1959 — сентябрь 1961 года. М.: Прогресс, 1976d.

Мао Цзэдун. Письмо товарищу Линь Бяо. Резолюция по «Докладу о дальнейшем развертывании подсобного сельскохозяйственного производства в армии», представленному Военным советом ЦК КПК и Главным управлением тыла НОАК (7 мая 1966 г.) // Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не издававшиеся в китайской прессе. Выпуск пятый: 1964–1967 годы. М.: Прогресс, 1976e.

Мао Цзэдун. Резолюция по докладу тов. Кэ Цин-ши. 12 декабря 1963 г. // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. М.: Прогресс. 1976f.

Мао Цзэдун. Указания, данные во время инспекционной поездки в провинцию Цзянси. (17 сентября 1967 года) // Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 5. 1976g.

Мао Цзэдун. Указания по социалистическому воспитанию в деревне и другим вопросам. Май 1963. // Выступления Мао Цзэ-дуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Вып. 4. 1976h.

Мао Цзэдун. Указания председателя Мао во время его инспекционной поездки по районам Северного, Центрально-Южного и Восточного Китая (Сентябрь? 1967 г.) // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Выпуск пятый: 1964–1967 годы. М.: Прогресс, 1976i.

Маркс К. Классовая борьба во Франции // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1956.

Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961.

Маркс К. Письмо В.И. Засулич 8 марта 1881 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 35. М.: Госполитиздат, 1964.

Маркс К. Предисловие. К критике политической экономии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955.

Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. [Третья рукопись] // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 42. М.: Госполитиздат, 1974.

Маркс К., Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955a.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955b.

Маркс К., Энгельс Ф. Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов. Март 1850 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 7. М.: Госполитиздат, 1956.

Меликсетов А.В. «Новая демократия» и выбор Китаем путей социально-экономического развития (1949–1953 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 1. С. 82–95.

Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей, 2001.

Постановление Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о великой пролетарской культурной революции, 1966 г. URL: http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm (дата обращения: 01.04.2026).

Решение ЦК КПК по основным достижениям и историческому опыту столетней борьбы партии (Принято 6-м пленумом ЦК КПК 19-го созыва 11 ноября 2021 года). URL: https://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (дата обращения: 01.04.2026).

Решение по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1981.

Смирнов Д.А. К вопросу об идейных истоках теории «Новой демократии» Мао Цзэдуна // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. Ч. 1. М.: ИВ РАН. С. 380–386.

Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Госполитиздат, 1953.

Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной проблеме: Речь на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. 1949. Т. 11.

Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Правда. 1937. 31 марта. С. 1.

Сталин И.В. Экономические проблемы социализма. М.: Политиздат, 1952.

Троцкий Л.Д. О художественной литературе и политике РКП // Печать и революция. 1924. Кн. 3. С. I–XIV.

Троцкий Л.Д. Перманентная революция. Берлин: Гранит, 1930.

Троцкий Л.Д. Предисловие ко второму изданию сборника «Вопросы быта» // Проблемы культуры. Культура переходного периода. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 21). М.–Л., 1927.

Усов В.Н. К вопросу об оценке маоистской «культурной революции» // Вопросы истории. 1982. № 2. С. 42–59.

Устав Коммунистической партии Китая. Принят X Всекитайским съездом Коммунистической партии Китая 28 августа 1973 г. // X Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (документы). Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1973.

Федоренко Н.Т. Сталин и Мао: беседы в Москве // Проблемы Дальнего Востока. 1989. № 1. С. 149–164.

Фишман Л.Г. Концепция ложного сознания как «половина» идеологии // Полития. 2014. № 1 (72). С. 70–79.

Хрущёв Н. С. Воспоминания. М.: Вагриус, 1997.

Шпаковский Ю.Г. Новая экономическая политика – «Всерьез и надолго»? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 7. С. 220–226.

Энгельс Ф. Письмо Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 39. М.: Госполитиздат, 1966.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.

References

50 let Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii. Tezisy Tsentral'nogo Komiteta KPSS [50 years of the Great October Socialist Revolution. Theses of the Central Committee of the CPSU]. Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam [Decisions of the party and the government on economic issues]: Collection of documents for 50 years]. Vol. 6. 1966 – January-June 1968. Moscow: Politizdat, 1968. (In Russian).

Annenskaya A.N. (1913). Iz proshlykh let (Vospominaniya o N.F. Annenskom) [From the past (Memoirs of N.F. Annensky)]. Russkoe bogatstvo [Russian wealth]. No. 1. P. 53-81. (In Russian).

Borisov O.B., Koloskov B.T. (1980). Sovetsko-kitayskiye otnosheniya: 1945–1980 [Soviet-Chinese relations: 1945-1980]. Moscow: Mysl'. (In Russian).

Brezhnev L.I. (1970). Leninskim kursom [Lenin's course]. Vol. 2. Moscow, 1970. (In Russian).

Bur'latskiy F.M. (1976). Mao Tszedun: "Nash koronnyy nomer – eto voyna, diktatura" [Mao Tse-tung: "Our crowning number is war, dictatorship"]. Moscow: International Relations. (In Russian).

Wang Hongwen (1973). Doklad ob izmeneniyakh v ustatve partii (24 avgusta 1973 g., prinyato 28 avgusta 1973 g.) [Report on amendments to the Party's Charter (August 24, 1973, adopted on August 28, 1973)]. X Vsekitayskiy s'ezd Kommunisticheskoy partii Kitaaya (dokumenty) [X National Congress of the Communist Party of China (documents)]. Pekin: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1973. (In Russian).

"V sel'skom khozyaystve uchit'sya u Dachzhaya". Materialy Vsekitaayskogo soveshchaniya "V sel'skom khozyaystve uchit'sya u Dachzhaya" (15 sentyabrya – 19 oktyabrya 1975 g.) ["Learn from Dazhai in agriculture". Materials of the All—China meeting "To learn from Dazhai in agriculture" (September 15 – October 19, 1975)]. Moscow: Institute of the Far East of the USSR Academy of Sciences. Department of Information, 1976. (In Russian).

Galenovich Yu.M. (1974). "Kul'turnaya revolyutsiya" v Kitae. Bor'ba v kitayskom rukovodstve ["Cultural Revolution" in China. The struggle in the Chinese leadership]. In 4 books Moscow: IDV (for official use). Book 1. May – December 1966. (In Russian).

Galenovich Yu.M. (1974). "Kul'turnaya revolyutsiya" v Kitae. Bor'ba v kitayskom rukovodstve ["Cultural Revolution" in China. The struggle in the Chinese leadership]. In 4 books Moscow: IDV (for official use). Book 2. January – June 1967. (In Russian).

Galenovich Yu.M. (1975). "Kul'turnaya revolyutsiya" v Kitae. Bor'ba v kitayskom rukovodstve ["Cultural Revolution" in China. The struggle in the Chinese leadership]. In 4 books Moscow: IDV (for official use). Book 3. June – November 1967. (In Russian).

Galenovich Yu.M. (1977). Kul'turnaya revolyutsiya" v Kitae. Bor'ba v kitayskom rukovodstve ["Cultural Revolution" in China. The struggle in the Chinese leadership]. In 4 books Moscow: IDV (for official use). Book. 4. December 1967 – April 1969. (In Russian).

Goncharov S.N. (2022) Vy`pry`givanie iz istoricheskogo cikla [Stepping out of the historical cycle] // Problemy` Dal`nego Vostoka [Problems of the Far East]. №6. P. 153–173. (In Russian).

Delyusin L.P. (1967). “Kul’turnaya revolyutsiya” v Kitae [“Cultural Revolution” in China]. Moscow: Znanie. (In Russian).

Delyusin L.P. (1988). Kampaniya “kritiki Lin’ Byao i Konfutsiya” v KNR (1973–1975 gg.) [The campaign of “Critics of Lin Biao and Confucius” in China (1973-1975)]. Spets. byulleten’ IV AN SSSR [Special Bulletin of the Institute of the Academy of Sciences of the USSR]. No. 6. (In Russian).

K 50-letiyu “kul’turnoy revolyutsii” v KNR [To the 50th anniversary of the “cultural Revolution” in China. Problemy Dal’nego Vostoka [Far Eastern Studies]. No. 4. (In Russian).

Kamentskaya E.V. (2014). “Kul’turnaya revolyutsiya” v Kitae vo vtoroy polovine 1960-kh godov na stranitsakh sovetskoy pressy i v vospriyatii naseleniya [The “Cultural Revolution” in China in the second half of the 1960s on the pages of the Soviet press and in the perception of the population]. Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of Perm University]. Issue 4 (27). P. 159-167. (In Russian).

Karyakin Yu.F. (2009). Iz “provintsial’noy khroniki” Kampuchii [From the “provincial chronicle” of Kampuchea]. Karyakin Yu.F. Dostoevskiy i Apokalipsis [Dostoevsky and the Apocalypse]. Moscow: Foliyo. (In Chinese).

Konstitutsiya Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Constitution of the People’s Republic of China] (1975). URL: http://maoism.ru/3213 (accessed on: 01.04.2026). (In Russian).

Korobova A.N. (2022). Polemika o “literature shramov” i politika KNR v oblasti literatury v kontse 1970-kh – seredine 1980-kh godov [The controversy about the “literature of scars” and the PRC's policy in the field of literature in the late 1970s – mid-1980s]. Shagi. Vol. 8. No. 4. P. 120–135. (In Russian).

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s”ezdov, konferentsiy i plenumov TsK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee]. Ed. 8-e. Vol. 9. (In Russian).

Kulik B.T. (2000). Sovetsko-kitayskiy raskol: prichiny i posledstviya [The Soviet-Chinese split: causes and consequences]. Moscow: IDV RAN. (In Russian).

Ledovskiy A.M. (1999). SSSR i Stalin v sud’bakh Kitaya. Dokumenty i svidetel’stva uchastnika sobytiy 1937–1952 [The USSR and Stalin in the fate of China. Documents and testimonies of a participant in the events of 1937–1952]. Moscow: Monuments of Historical Thought. (In Russian).

Lenin V.I. (1970). IX Vserossiyskiy s”ezd Sovetov. 23–28 dekabrya 1921 g. O vnutrenney i vneshney politike respubliki. Otchet VTsIK i SNK 23 dekabrya [IX All-Russian Congress of Soviets. December 23–28, 1921 On the internal and foreign policy of the Republic. Report of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars on December 23]. Polnoye sobraniye sochineniy V.I. Lenin [V.I. Lenin. Complete works]. Ed. 5-E. Moscow: Publishing House of Political Literature. Vol. 44. (In Russian).

Lenin V.I. (1981). Zadachi soyuzov molodezhi [Tasks of youth unions]. // Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 41. Moscow. (In Russian).

Lenin V.I. (1919). Otchyot Tsentral’nogo Komiteta. VIII s”ezd RKP(b) [Report of the Central Committee. The eighth Congress of the Russian Communist Party(b)]. V.I. Lenin. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 38. (In Russian).

Lenin V.I. (1970). O kooperatsii [On cooperation]. Lenin V.I. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 45. Moscow. (In Russian).

Lenin V.I. (1969). Privet vengerskim rabochim [Greetings to the Hungarian workers]. V.I. Lenin. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 38. (In Russian).

Lenin V.I. (1981). Rech' na Vserossiyskom soveshchanii politprosvetov gubernskikh i uezdnykh otdelov narodnogo obrazovaniya 3 noyabrya 1920 g. [Speech at the All-Russian meeting of political educators of provincial and district departments of public education on November 3, 1920]. Polnoe sobranie sochineniy [Complete works]. Vol. 41. Moscow. (In Russian).

Lenin V.I. (1902). Chto delat’? [What should I do?]. V.I. Lenin. Polnoye sobraniye sochineniy [V.I. Lenin. Complete works]. Vol. 5. (In Russian).

Literaturnyye manifesty. Ot simvolizma k Oktyabryu [Literary manifestos. From Symbolism to October]. Edited by N.L. Brodsky, V. Lviv-Rogachevsky, N.P. Sidorov. Moscow: Federation. (In Russian).

Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. (2002). Rol’ dual’nykh modeley v dinamike russkoy kul’tury (do kontsa XVIII veka) [Russian Russian culture Lotman Yu.M., Uspensky B.A. The role of dual models in the dynamics of Russian culture (until the end of the 18th century)]. Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. Istoriya i

tipologiya russkoy kul'tury [History and typology of Russian culture]. SPb.: Iskusstvo-SPB. P. 88–115. (In Russian).

Lukin A.V. (2018). Vozvyshayushchiy'sya Kitay i budushcheye Rossii: raboty o Kitae i rossiysko-kitayskikh otnosheniyakh [The Towering China and the future of Russia: works on China and Russian-Chinese relations.]. Moscow: International Relations. (In Russian).

Lukin A.V. (2023). Kontseptsii "kitayizatsii marksizma", "novoy formy chelovecheskoy tsivilizatsii" i "gosudarstva-tsivilizatsii" v sovremennom kitayskom ideologicheskom diskurse [Concepts of "Sinification of Marxism", "a new form of human Civilization" and "state-civilization" in modern Chinese ideological discourse]. Moscow: Rossiyskoye kitaevedeniye [Russian Sinology]. P. 71–99. (In Russian).

Lukin A.V. (2011). O nekotorykh problemakh sravnitel'nykh issledovaniy politicheskikh sistem KNR i SSSR [On some problems of comparative studies of the political systems of China and the USSR]. Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]. No. 1(3). P. 3–18. (In Russian).

Lukin A.V. (2010). Ot marksizma – k liberalizmu. Evolyutsiya vzglyadov star shego pokoleniya storonnikov demokraticheskogo dvizheniya v KNR [From Marxism to liberalism. The evolution of the views of the older generation of supporters of the democratic movement in China]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China]. No. 1. P.245-270. (In Russian).

Lukin A.V. (2021). Politicheskaya sistema sovremennogo Kitaya i tipologiya kommunisticheskikh rezhimov [The political system of modern China and the typology of communist regimes]. Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]. No. 3. P. 63-84. (In Russian).

Lukin A.V., Puzanova O.V. (2021). "I v Yaponii zhatva mnoga…" ["And there is a lot of harvest in Japan..."]. Evolyutsiya mirovozzreniya svyatitelyya Nikolaya Yaponskogo i mezhtsivilizatsionnoye vzaimodeystviye Rossii, Yaponii i Zapada [The evolution of the worldview of St. Nicholas of Japan and the intercivilizational interaction of Russia, Japan and the West]. Moscow: The Whole World. (In Russian).

Mao Zedong (1976a). Beseda v den' prazdnika vesny. 13.02.1964 [A conversation on the day of the spring festival. 13.02.1964]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati [Speeches by Mao Tse-tung, previously unpublished in the Chinese press]. Moscow: Progress. Issue 4. (In Russian).

Mao Zedong (1952). Bor'ba za vovlechenie mnogomillionnyh mass v edinyj antiyaponskij nacional'nyj front [The fight to bring multimillion people into a united anti-Japanese national front] // Mao Tse-dun. Izbrannye proizvedeniya [Mao Zedong. Favorite works]. Vol. 1. Pekin: Renmin chubanshe.

Mao Zedong (1976b). Vazhnyye ukazaniya, sdelannyye vo vremya inspektirovaniya provintsii Khubey. (21 sentyabrya 1967 goda) [Important instructions given during the inspection of Hubei Province. (September 21, 1967)]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati. Vypusk pyaty y: 1964–1967 gody [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. Issue five: 1964–1967]. Moscow: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1975a). Vystupleniye na prokhodivshem v Moskve soveshchanii predstaviteley kommunisticheskikh i rabochikh partiy sotsialisticheskikh stran. 18.11.1957 [Speech at a meeting of representatives of the communist and workers' parties of socialist countries in Moscow. 18.11.1957]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati. Vypusk vtoroy: iyul' 1957 – dekabr' 1958 goda [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. Issue two: July 1957 – December 1958]. Moscow, Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1976c). Vystupleniye na rasshirennom rabochem soveshchanii Tsentral'nogo komiteta. 30.01.1962 [Speech at the extended working meeting of the Central Committee. 30.01.1962]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati. Vypusk chetvyërty y: yanvar' 1962 – dekabr' 1964 goda [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. Issue four: January 1962 – December 1964]. (In Russian).

Mao Zedong (1975b). Zaklyuchitel`noe slovo na II plenume Central`nogo komiteta Kommunisticheskoj partii Kitaya vos`mogo sozy`va [Concluding statement at the 2nd plenary session of the CPC Committee of the eighth convocation]. Vy`stupleniya Mao Czze`duna, ranee ne publikovavshiesya v kitajskoj pechati. Vy`pusk pervy`j: aprel` 1950 – iyul` 1957 goda. [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. First issue: April 1950 – July 1957]. Vol. 1. M: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1975c). Zaklyuchitel`noe slovo na soveshhanii sekretarej provincial`ny`x i gorodskix komitetov partii. 27 yanvarya 1957. [A final word at the meeting of the secretaries of the provincial and

municipal committees of the party. January 27, 1957]. Vy`stupleniya Mao Czze`duna, ranee ne publikovavshiesya v kitajskoj pechati. Vy`pusk pervy`j aprel` 1950 – iyul` 1957 goda. [Speeches by Mao Zedong not previously published in the Chinese press. First issue: April 1950 – July 1957]. M: Progress, 1975. (In Russian).

Mao Zedong (2000). O desyati vazhneyshikh vzaimootnosheniyakh [About the ten most important relationships]. Mao Tsze-dun. Revolyutsiya i stroitel'stvo v Kitae [Mao Zedong. Revolution and construction in China]. Moscow: Paleya–Mishin. (In Russian).

Mao Zedong (1976d). Otnositel`no raboty` «E`konomicheskie problemy` socializma v SSSR» (stenogramma vy`stupleniya) [Regarding the work "Economic problems of socialism in the USSR" (transcript of the speech)]. Vy`stupleniya Mao Tsze-duna, ranee ne publikovavshiesya v kitajskoj pechati (1950—1967). Vy`pusk tretij: yanvar` 1959 — sentyabr` 1961 goda. [Speeches by Mao Zedong, not previously published in the Chinese press (1950-1967). Issue three: January 1959 — September 1961]. M.: Progress, 1976. (In Russian).

Mao Zedong (1976e). Pismo tovarishchu Lin' Byao. Rezolutsiya po "Dokladu o dal'neyshem razvertyvanii podsobnogo sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva v armii", predstavlennomu Voyennym sovetom TsK KPK i Glavnym upravleniyem tyl a NOAK (7 maya 1966 g.) [A letter to Comrade Lin Biao. Resolution on the "Report on the further deployment of subsidiary agricultural production in the army" submitted by the Military Council of the CPC Central Committee and the General Directorate of the PLA Rear (May 7, 1966)]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne izdavavshiesya v kitayskoy presse. Vypusk pyaty y: 1964–1967 gody [Speeches by Mao Tse-dong, previously unreleased in the Chinese press. Fifth issue: 1964–1967]. Moscow: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1976f). Rezolutsiya po dokladu tov. Ke Tsin'-shi. 12 dekabrya 1963 g. [Resolution on the report of Comrade Ke Qing-shi. December 12, 1963]. // Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati [Speeches by Mao Tse-tung, previously unpublished in the Chinese press]. Issue 4. Moscow: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1976g). Ukazaniya, dannyye vo vremya inspektsionnoy poyezdki v provintsiyu Tszyansi. (17 sentyabrya 1967 goda) [Instructions given during an inspection trip to Jiangxi Province. (September 17, 1967)]. Vystupleniya Mao Tsze-duna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati [Speeches by Mao Tse-tung, previously unpublished in the Chinese press]. Issue 5. Moscow: Progress (In Russian).

Mao Zedong (1976h). Ukazaniya po socialisticheskomu vospitaniyu v derevne i drugim voprosam Maj 1963. [Instructions on socialist upbringing in the village and other matters. May 1963]. [Speeches by Mao Tse-tung, previously unpublished in the Chinese press]. Issue 4. Moscow: Progress. (In Russian).

Mao Zedong (1976i). Ukazaniya predsedatelya Mao vo vremya yego inspektsionnoy poyezdki po ra yonam Severnogo, Tsentral'no-Yuzhnogo i Vostochnogo Kitaya (Sentyabr'? 1967 g.) [The instructions of Chairman Mao during his inspection tour of the regions of Northern, Central-Southern and Eastern China (September? 1967)]. Vystupleniya Mao Ts Zeduna, raneye ne publikovavshiesya v kitayskoy pechati. Vypusk pyaty y: 1964–1967 gody [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. Issue five: 1964–1967]. Moscow: Progress. (In Russian).

Marks, K. (1956). Klassovaya bor'ba vo Frantsii [Class Struggle in France]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 7. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K. (1961). Kritika Gotskoy programmy [Criticism of the Gotha program]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 19. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K. (1964). Pis'ma V.I. Zasulich 8 marta 1881 g. [Letter from V.I. Zasulich on March 8, 1881]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 35. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K. (1959). Predisloviye. K kritike politicheskoy ekonomii [The preface. Towards a Critique of Political Economy]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. 2nd Ed. Vol. 13. Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russian).

Marks K. (1955). Tezisy o Feyerbakhe [Theses on Feuerbach]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K. (1974). Ekonomiko-filosofskiye rukopisi 1844 goda. [Tret'ya rukopis'] [Economic and philosophical manuscripts of 1844. [The third manuscript]]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. 2nd Ed. Vol. 42. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K., Engel's F. (1961). Al'yans sotsialisticheskoy demokratii i Mezhdunarodnoye Tovarishchestvo Rabochikh [Alliance of Socialist Democracy and the International Workers' Association]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Works]. Vol. 18. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K., Engel's F. (1955a). Manifest Kommunisticheskoy partii [Manifesto of the Communist Party]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Works]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks K., Engel's F. (1955b). Nemetskaya ideologiya [German ideology]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Marks, K. i Engel's, F. (1956). Obrashchenie Tsentral'nogo Komiteta k Soyuzu kommunistov. Mart 1850 [Address of the Central Committee to the Communist League. March 1850]. K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 7. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Meliksetov A.V. (1996). "Novaya demokratiya" i vybor Kitayem putey sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (1949–1953 gg.) ["New Democracy" and China's choice of ways of socio-economic development (1949–1953)]. Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]. No. 1. P. 82–95. (In Russian).

Pantsov A.V. (2001). Taynaya istoriya sovetsko-kitayskikh otnosheniy. Bol'sheviki i kitayskaya revolyutsiya [The Secret history of Soviet-Chinese relations. The Bolsheviks and the Chinese Revolution (1919–1927)]. Moscow: Muravey (1919–1927). (In Russian).

Postanovleniye Tsentral'nogo Komiteta Kommunisticheskoy partii Kitaya o velikoy proletarskoy kul'turnoy revolyutsii [Resolution of the Central Committee of the Communist Party of China on the Great Proletarian Cultural Revolution], 1966. URL: http://library.maoism.ru/kpk8aug.htm (accessed on: 01.04.2026). (In Russian).

Resheniye TsK KPK po osnovnym dostizheniyam i istoricheskomu opytu stoletney bor'by partii [Decision of the CPC Central Committee on the main achievements and historical experience of the party's centennial struggle (Adopted by the 6th Plenum of the CPC Central Committee of the 19th convocation on November 11, 2021). URL: https://russian.news.cn/2021-11/16/c_1310314781.htm (accessed: 01.04.2026). (In Russian).

Resheniye po nekotorym voprosam istorii KPK so vremeni obrazovaniya KNR [The decision on some issues of the history of the CPC since the formation of the PRC]. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian).

Smirnov D.A. (2012). K voprosu ob ideynikh istokakh teorii "Novoy demokratii" Mao Ts Zeduna [On the question of the ideological origins of Mao Zedong's theory of "New Democracy"]. Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China]. Vol. 42. Part 1. Moscow: IV RAS. P. 380–386. (In Russian).

Stalin I.V. (1953). Marksizm i voprosy yazykoznaniya [Marxism and questions of linguistics]. Moscow: Gospolitizdat. P. 7. (In Russian).

Stalin I.V. (1949). Ob industrializatsii i khlebnoy probleme: Rech' na plenume TsK VKP(b) 9 iyulya 1928 g. [On industrialization and the grain problem: Speech at the plenum of the Central Committee of the CPSU(b) on July 9, 1928]. Stalin I.V. Sochineniya [Stalin I.V. Essays]. Vol. 11. (In Russian).

Stalin I.V. (1937). O nedostatkakh partiynoy raboty i merakh likvidatsii trotskistskikh i inykh dvurushnikov. Doklad na Plenume TsK VKP(b) 3 marta 1937 g. [On the shortcomings of Party work and measures to eliminate Trotskyist and other double-dealing. Report at the Plenum of the Central Committee of the CPSU(b) on March 3, 1937]. Pravda. March, 31. P. 1. (In Russian).

Stalin I.V. (1952). Ekonomicheskiye problemy sotsializma [Economic problems of socialism]. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Trotskiy L.D. (1924). O khudozhestvennoy literature i politike RKP [On fiction and politics of the Russian Communist Party]. Pechat' i revolyutsiya [The Press and the Revolution]. Book 3. P. I–XIV. (In Russian).

Trotskiy L.D. (1930). Permanennaya revolyutsiya [Permanent revolution]. Berlin: Granit. (In Russian).

Trotskiy L.D. (1927). Predisloviye ko vtoromu izdaniyu sbornika "Voprosy byta" [Preface to the second edition of the collection "Questions of everyday life"]. Problemy kul'tury. Kul'tura perekhodnogo perioda. (L. Trotskiy. Sochineniya. Tom 21) [Problems of culture. Culture of the transition period. (L. Trotsky. Essays. Volume 21)]. Moscow. (In Russian).

Usov V.N. (1982). K voprosu ob otsenke maoistskoy “kul’turnoy revolyutsii” [On the issue of assessing the Maoist “cultural Revolution”. Voprosy istorii [Questions of History]. No. 2. P. 42-59. (In Russian).

Ustav Kommunisticheskoy partii Kitaya. Prinyat X Vsekitaayskim s”ezdom Kommunisticheskoy partii Kitaya 28 avgusta 1973 g. The Charter of the Chinese Communist Party [Adopted by the X National Congress of the Communist Party of China on August 28, 1973]. X Vsekitaayskiy s”ezd Kommunisticheskoy partii Kitaya (dokumenty) [X National Congress of the Communist Party of China (documents)]. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages. (In Russian).

Fishman L.G. (2014). Kontseptsiya lozhnogo soznaniya kak “polovina” ideologii [The concept of false consciousness as the “half” of ideology]. Politiya. No. 1 (72). P. 70–79. (In Russian).

Shpakovskiy Yu.G. (2020). Novaya ekonomicheskaya politika – “Vser’ëz i nadolgo”? [New economic policy – “Seriously and for a long time”?]. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Bulletin of O.E. Kutafin University]. No. 7. P. 220–226. (In Russian).

Engel’s F. (1955). Printsipy kommunizma [The principles of Communism] // K. Marks i F. Engel’s. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

Engel's F. (1966). Pis'mo Frantsu Meringu, 14 iyulya 1893 g. [Letter to Franz Mehring, July 14, 1893]. In K. Marks i F. Engel's. Sochineniya [K. Marx and F. Engels. Essays]. Vol. 39. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

* * *

Cui, Zhiyuan 崔之元. (2009). Mao Zedong wenge lilun de de shi yu “xiandaixing” de chongjian 毛泽东文革理论的得失与"现代性"的重建 [Gains and losses of Mao Zedong’s Cultural Revolution theory and the reconstruction of “modernity”]. Wenge yu dangdaishi wang 文革与当代史网. 05.11.2009. URL: https://www.difangwenge.org/forum.php?mod=viewthread&tid=178 (accessed: 01.04.2026). (In Chinese)

Dorell, William F. (1971). Power, policy, and ideology in the making of the Chinese Cultural Revolution. In Thomas W. Robinson (Ed.), The Cultural Revolution in China. Berkeley: University of California Press. P. 21–112

Fanon, Frantz. (1963). The wretched of the earth. New York: Grove Press. P. 109, 61.

Fairbank, John King. (1986). The great Chinese revolution, 1800–1985. New York: Harper and Row. P. 337.

Gao, Gao 高皋; Yan, Jiaqi 严家其. (1986). Wenhua da geming shinian shi 文化大革命十年史 [Ten years history of the Great Cultural Revolution]. Tianjin: Tianjin renmin chubanshe 天津人民出版社. Vol. 2. (In Chinese).

Gregor, A. James. (2019). Classical Marxism and Maoism: A comparative study. Communist and Post-Communist Studies, 52. P. 81–91.

Guo, Jianbo 郭建波. (2013). Hualong dian jing de ziwo zongjie: dui Mao Zedong yisheng suozuo liangjian dashi de tanhua de kaozheng — jinian Mao zhuxi dan chen 120 zhounian 画龙点睛的自我总结：对毛泽东一生所做两件大事的谈话的考证 ——纪念毛主席诞辰 120 周年 [The finishing touch of self-summary: Verification of Mao Zedong's conversation about the two major events of his life — Commemorating the 120th anniversary of Chairman Mao's birth]. Wuyouzhixiang wangkan 无忧之乡网刊. 18.11.2013. URL: https://www.wyzxwk.com/Article/lishi/2013/11/309209.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Han, Dongping. (2008). The unknown Cultural Revolution: Life and change in a Chinese village. New York: Monthly Review Press.

He, Qifang 何其芳. Eryue niliu shimo ji 二月逆流始末记 [The whole story of the February adverse current]. Shidai de baogao 时代的报告. No. 1. P. 47, 49 (45–69). (In Chinese).

Heberer, Thomas. (2009). The “Great Proletarian Cultural Revolution”: China’s modern trauma. Journal of Modern Chinese History. No. 3(2). P. 165–181.

Horkheimer, Max. (1982). Traditional and critical theory. In Critical theory: Selected essays. New York: Continuum. P. 188–243.

Hou, Li. (2021). Building for oil: Daqing and the formation of the Chinese socialist state. Harvard-Yenching Institute Monograph Series. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Asia Center.

Jackson, Karl D. (1989). Intellectual origins of the Khmer Rouge. In Cambodia 1975–1978: A rendezvous with death. Princeton, NJ: Princeton University Press. P. 241–250.

Jiefangjun bao 解放军报. (1966). Gaoju Mao Zedong sixiang weida hongqi ba wuchan jieji wenhua da geming jinxing daodi — guanyu wenhua da geming de xuanchuan jiaoyu yaodian 高举毛泽东思想伟大红旗 把无产阶级文化大革命进行到底——关于文化大革命的宣传教育要点 [Hold high the great red flag of Mao Zedong Thought and carry the Great Proletarian Cultural Revolution through to the end – Key points of propaganda and education on the Cultural Revolution]. Jiefangjun bao 解放军报. (In Chinese).

Jin, Zhe 金哲. (2019). Zhonggong jianguo 70 nian fengyun (3): wuchanjieji wenhua da geming, yichang canku de xiaohua 中共建政 70 年风云(3)：无产阶级文化大革命，一场残酷的笑话 [70 years of CCP rule (3): The Great Proletarian Cultural Revolution, a cruel joke]. Meiguo zhi yin 美国之音. URL: https://www.voachinese.com/a/China-cultural-revolution-cruel-joke-20191001/5088325.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Lao Tian 老田. Chongqing wen'ge koushu shi — Huang Lian fangtan lu 重庆文革口述史——黄廉访谈录 [Chongqing Cultural Revolution oral history — Interview with Huang Lian]. Hua xia wenzhai 华夏文摘. URL: https://web.archive.org/web/20110706131204/http://museums.cnd.org/CR/ZK05/HuangLian_c.hz8.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Lin, Zhongjie. (2025). Constructing utopias: China's new town movement in the 21st century. New York, NY: Oxford University Press.

MacFarquhar, Roderick. (1974). The origins of the Cultural Revolution. Vol. 1: Contradictions among the people, 1956–1957. New York: Columbia University Press.

MacFarquhar, Roderick. (1983). The origins of the Cultural Revolution. Vol. 2: The Great Leap Forward, 1958–1960. New York: Columbia University Press.

MacFarquhar, Roderick. (1997). The origins of the Cultural Revolution. Vol. 3: The coming of the cataclysm, 1961–1966. New York: Columbia University Press.

MacFarquhar, Roderick; Schoenhals, Michael. (2006). Mao's last revolution. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Mao Zedong 毛泽东. Bianzhengfa weiwulun (jiangshou tigang) 辩证法唯物论 [Dialectical Materialism (Lecture Outline)]. URL: https://www.marxists.org/chinese/maozedong/1937/02.htm#2 (accessed on: 04.05.2026). (In Chinese).

Mao Zedong 毛泽东 (2006a). Zai Hangzhou huiyi shangde jianghua 在杭州会议上的讲话. Part 2. 04.01.1958. // Mao Zedong Sixiang wansui! 毛泽东思想万岁! (1958–1960) http://59.46.86.120:9002/maoxuan/wansui4a.pdf. (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Mao Zedong 毛泽东 (2006b). Zai Zuigao Guowuhui shangde jianghua 在最高国务会议上的讲话（28.01.1958）// Mao Zedong Sixiang wansui! 毛泽东思想万岁! (1958–1960). http://59.46.86.120:9002/maoxuan/wansui4a.pdf. (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Mao Zedong 毛泽东 (2006c). Gongzuo fangan liushi tiao (caoan). 工作方法六十条（草案）// Mao Zedong Sixiang wansui! 毛泽东思想万岁! (1958–1960) 31.01.1958. http://59.46.86.120:9002/maoxuan/wansui4a.pdf. (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Mao Zedong gei Jiang Qing de xin 毛泽东给江青的信 [“Letter from Mao Zedong to Jiang Qing”]. Aisixiang.com 爱思乡. 08.07.1966. URL: https://www.aisixiang.com/data/59290.html (accessed on: 01.04.2026). (In Chinese).

Mao Zedong jiangshou de “Bianzhengfa weiwulun” 毛泽东讲授的《辩证法唯物论》 [Mao Zedong’s Lectures on “Dialectical Materialism”] (2012). Guangming ribao 光明日报, 2 May. (In Chinese).

Mao Zedong: Zuigao Guowu huiyi shang de jianghua jiyao (yi) 毛泽东：最高国务会议上的讲话纪要（一） [“Mao Zedong: Notes on the speech at the Supreme State Council (Part 1)”]. Mao Zedong sixiang xuexi 毛泽东思想学习 [Study of Mao Zedong Thought]. (1968). P. 123. URL: https://www.marxists.org/chinese/pdf/chinese_marxists/mao/01210803.pdf (accessed on: 01.04.2026). (In Chinese).

Meisner, Maurice (1999). Mao’s China and After: A History of the People’s Republic. New York: Free Press, 3rd ed.

Paul, Healy. (2008). Misreading Mao: On class and class struggle. Journal of Contemporary Asia. No. 38(4). P. 535–559.

Qin, Hui 秦晖. (2016). Shouduan bi mudi geng zhongyao — cong Mao Zedong fadong wenge de “sixiang shi yanjiu” tan qi 手段比目的更重要——从毛泽东发动文革的〝思想史研究〞谈起 [“Means are more important than ends — On Mao Zedong's intellectual history research in launching the Cultural Revo-

lution"]. Ershiyi shiji shuang yuekan 二十一世纪双月刊 (156). P. 26. URL: https://www.cuhk.edu.hk/ics/21c/media/articles/c156-201607015.pdf (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Renmin ribao 人民日报. (1967). Jianchi zhishi qingnian shangshan xiaxiang de zhengque fangxiang 坚持知识青年上山下乡的正确方向 [Persist in the correct direction of educated youth going to the mountains and countryside]. Renmin ribao 人民日报, 9 July. (In Chinese).

Russell, Bertrand. (1920). The practice and theory of Bolshevism. London: George Allen and Unwin.

Russo, Alessandro. (2020). Cultural revolution and revolutionary culture. Durham, NC: Duke University Press.

Schram, Stuart R. (1969). Mao Tse-tung and the search for a 'Chinese road' to socialism. Journal of The Royal Central Asian Society. No. 56(1). P. 30–41.

Heberer, Thomas. (2009). The “Great Proletarian Cultural Revolution”: China’s modern trauma. Journal of Modern Chinese History. No. 3(2). P. 165–181.

Thornton, Richard C. (1973). China, the struggle for power, 1917–1972. Bloomington: Indiana University Press. P. 269–341.

Wang, Zijin 王子今. (1993). Mao Zedong yu Zhongguo shixue 毛泽东和中国史学 [Mao Zedong and Chinese historiography]. Beijing: Zhonggong zhongyang dangxiao chubanshe 中共中央党校出版社. (In Chinese).

Weber, Max. (1904). Objectivity in social science and social policy. In E. A. Shils & H. A. Finch (Eds.), The methodology of the social sciences (pp. 49–112). New York: The Free Press. URL: https://jthomasniu.org/class/Stuff/PDF/weber-objectivity.pdf

Wu, Chao 吴超. (2008). Wenhua da geming qiyuan yanjiu shuping "文化大革命"起源研究述评 [“Review of research on the origins of the Cultural Revolution”]. Beijing dangshi 北京党史, 3. P. 34–40. (In Chinese).

Xi Jinping, shenru tuijin dang de ziwo geming 习近平, 深入推进党的自我革命 [Xi Jinping, deepening the Party's self-revolution]. Qiu Shi 求是. 2024. (In Chinese)

Xuezhe: 20 shiji ke yu “wen’ge” bipei de shi De’guo Nasicha shidai (1) 学者：20 世纪可与"文革"比拟的是德国纳粹时代(1) [Scholar: The 20th century comparable to the “Cultural Revolution” is the German Nazi era (1)]. (2015). Renmin wang 人民网. 14.09.2015. URL: https://web.archive.org/web/20200625143734/https://news.china.com/history/all/11025807/20150914/20385905.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

1980 nian Deng Xiaoping jieshou wamei zhuanti: tantai huida min'gan huati 1980年邓小平接受外媒专访:坦率回应敏感话题 [Deng Xiaoping's 1980 interview with foreign media: Frank response to sensitive topics]. Xinlang lishi 新浪历史. 26.08.2014. URL: https://web.archive.org/web/20200625143700/http://history.sina.com.cn/bk/ds/2014-08-26/103698703.shtml (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Ye, Jianying 叶剑英. (2011). Qingzhu Zhonghua renmin gongheguo chengli sanshi zhounian dahui shang de jianghua 庆祝中华人民共和国成立三十周年大会上的讲话 [Speech at the meeting celebrating the 30th anniversary of the founding of the People’s Republic of China]. In Sanzhong quanhui yilai zhongyao wenxian xuanbian (shang) 三中全会以来重要文献选编（上）Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe 中央文献出版社. P. 191. (In Chinese).

Yuan Longping tan sannian kunnan shiqi he wen’ge qijian de jingli 袁隆平谈三年困难时期和文革期间的经历 [Yuan Longping talks about experiences during the three years of difficulty and the Cultural Revolution]. (2019). Sina.com. 30.12.2019. URL: https://k.sina.com.cn/article_2369379394_m8d39dc4203300qtqq. html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Yuan, Shaoyu, (2023). Tracing China’s diplomatic transition to wolf warrior diplomacy and its implications. Humanities and Social Sciences Communications. Vol. 10.

Zhang, Ming 张鸣. (2013). Bu fansi “wen’ge” de shehui, jiushi ge shiren buluo 不反思"文革"的社会，就是个食人部落 [A society that does not reflect on the “Cultural Revolution” is a cannibal tribe]. Renmin wang 人民网. 05.03.2013. URL: https://web.archive.org/web/20200625141907/http://history.people.com.cn/n/2013/0305/c200623-20680503.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Zhu, Yongjia 朱永嘉. (2015). Ruhe zhengque renshi “wen’ge” zhong de shiwu 如何正确认识"文革"中的失误 [How to correctly understand the mistakes in the “Cultural Revolution”]. Xinlang lishi 新浪历史. 19.01.2015. URL: https://web.archive.org/web/20180901140730/http://history.sina.com.cn/his/zl/2015-01-19/1759115609.shtml (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Zhiyi “Gaojiacun” 质疑 «高家村» [Questioning “Gaojiacun”]. (2003). Renmin wang 人民网. 29.03.2003. URL: https://web.archive.org/web/20050329062507/http://www.people.com.cn/GB/guandian/29/169/20010401/430363.html (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Zui niu lishi laoshi Yuan Tengfei bei Zhonggong tedu jiguan bei kao fa shengming: "Wo yiqie dou hao" 最牛历史老师袁腾飞被中共特务机关背铐发声明："我一切都好" [The best history teacher Yuan Tengfei was handcuffed by CCP secret police and issued a statement: “I’m fine”]. (2010). 11.05.2010. URL: https://web.archive.org/web/20210716044419/https://bnn.co/news/gb/china/2010/05/201005110249.shtml (accessed: 01.04.2026). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 10.05.2026 Received: 10 May 2026.
Принята к публикации: 20.05.2026. Accepted: 20 May 2026